

ЛЮДМИЛА ЗАРЕЦКАЯ ВАКАНСИЯ ТРЕТЬЕГО МУЖА

Любовь – это
кричащее отсутствие
и... совпадение
пазлов судьбы.

ХОЗЯЙКА СВОЕЙ СУДЬБЫ

Хозяйка своей судьбы

Людмила Зарецкая

Вакансия третьего мужа

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Зарецкая Л.

Вакансия третьего мужа / Л. Зарецкая — «Эксмо»,
2015 — (Хозяйка своей судьбы)

Журналистка Анастасия Романова никогда не была замужем. Все ее романы с блеском проходили конфетно-букетный период, но увядали в самом начале «бытовых» отношений... Вот и с известным политиком Егором Фоминым ее, увы, теперь связывала всего лишь дружба. А ведь когда-то между ними горела настоящая страсть! Сейчас же он видел в ней только боевого соратника в предвыборной борьбе за пост мэра города. Ни секунды не колеблясь, Настя вступает вместе с Егором в непростую игру, в которой на кон поставлена не только политическая карьера и бизнес, но и жизнь и здоровье. Недвусмысленные предупреждения остановиться следуют одно за другим. Но ни Егор, ни Настя, ни олигарх Игорь Стрелецкий, финансирующий избирательную кампанию Фомина, не собираются отказываться от намеченных планов даже после убийства, произошедшего практически на их глазах...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Зарецкая Л., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	25
Глава 4	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Людмила Зарецкая

Вакансия третьего мужа

© Зарецкая Л., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Первым читательницам, которые с самого начала верили, что все получится, – лучшей подруге Марине Липиной и моей маме Татьяне Зарецкой

Все герои вымышлены, любые совпадения случайны.

Глава 1

Невыносимая тягость бытия, или Маховик запущен

150 дней до выборов

На тот исторический момент времени, когда Веронике исполнилось 28 лет, у нее имелось два любовника.

Мужа не было ни в тот момент, ни до него. В периоды черной меланхолии, которые время от времени нападали на Веронику, ей казалось, что и после мужа у нее тоже не будет.

Отсутствие мужа Веронику огорчало, а наличие двух любовников почему-то не радовало.

Один любовник был ее бывшим соседом. То есть в начале их романа он с завидной периодичностью совершал татаро-монгольские набеги на ее жилплощадь и кавалерийские наскоки на саму Веронику. И после одного такого наезда наскоком остался сначала ночевать, а потом и насовсем, перевезя из соседней квартиры тапочки, трусики, зубную щетку, штаны и пару рубашек с пуловером.

Верхняя одежда осталась в квартире жены, потому что в Вероникины шкафы не влезала. Бывший сосед – ныне сожитель – собирался раз в сезон забегать в свои прежние владения, чтобы сменить одну куртку на другую и определиться с ботинками. Правда, его жена, ну до чего же бывают несовременные женщины, мужниных планов на жизнь не одобрила и замки на дверях поменяла.

Второй любовник работал вместе с Вероникой. Она – корректор в газете, он – системный администратор. Такой вот служебно-производственный роман.

Иметь двух любовников одновременно Веронике было стыдно, но отказаться от кого-нибудь из них она не могла.

Первый любовник – бывший сосед – был уныл и однообразен в постели. Сексом занимался строго раз в неделю. Позицию предпочитал миссионерскую. Прелюдий не признавал. Эмоций не выказывал. После двух-трех минут сопения издавал резкий выдох носом, из которого Вероника и делала вывод о случившемся у него оргазме. После этого он быстро и даже с некоторым изяществом в ста процентах случаев доводил до оргазма саму Веронику, используя ручной метод.

С ним было скучно, но полезно для органов малого таза. Тем более что такая жизнь с некоторой натяжкой даже походила на супружескую.

Любовник-системотехник был изобретателен, как Яндекс. В том смысле, что знал все. О сексе он думал постоянно, так что парочку раз в неделю Вероника обязательно елозила головой по каким-нибудь разложенным по столам винчестерам и материнским платам. И не головой елозила тоже. В силу разнообразия позиций.

Любовник вел себя вдохновенно, издавая в процессе соития громкие звуки, свидетельствующие о том, как ему хорошо. Заниматься с ним любовью было увлекательно и весело, вот только самой Веронике хорошо бывало редко. Скорость процессов ее системного блока сильно отставала от скорости системного блока любовника. И из-за этого она все время «висла».

Но сослуживец вносил некоторое разнообразие в ее унылую жизнь с соседом, поэтому несколько раз в неделю она позволяла ему поискать у нее кнопку «Резет», несмотря на появление после этого застойных явлений в области малого таза.

За один год Вероника сделала три аборта. Во-первых, становиться отцами (сосед в очередной, а системотехник в первый раз) ее любовники вовсе не собирались. Во-вторых, она не знала точно, от кого именно беременела. Денег на аборт давали оба, так что в материальном плане это было очень даже выгодное мероприятие.

Вот только счастья не было.

В поисках счастья Вероника решила пойти учиться. В том плане, чтобы повысить свой культурный уровень и найти новых интересных людей. В довершение к своему высшему филологическому образованию она получила второе высшее по специальности инженер молокодоильных установок. Или что-то вроде этого. Училась платно, выкраивая средства из скудной корректорской зарплаты, но работать по новой специальности не стала. Затем окончила курсы по флористике, студию художественной графики и в тридцать три даже записалась в секцию синхронного плавания.

Свободного времени у нее не было совершенно, новые знакомые появлялись и исчезали, не оставляя в жизни ни малейшего следа, счастье не приходило, муж не появлялся.

В новый исторический момент времени на смену любовнику-системотехнику пришел редакционный водитель Вася. Теперь пару раз в неделю Вероника елозила головой и другими частями тела по плюшевому заднему сиденью Васиного «Шевроле-Лачетти». Как любовник Вася был слабоват, зато исправно возил Веронику с работы и на работу. Ему все равно было по дороге.

Любовник-сосед снова переехал к жене. Однажды ушел добывать в неравном бою свою зимнюю куртку и не вернулся. Потом как-то незаметно для самой Вероники из ее квартиры исчезли его тапочки, треники, зубная щетка, штаны и рубашка с пуловером.

На память остался лишь оформленный на Веронику кредит на покупку соседом «Шевроле-Лачетти». Такого же, как у Васи. Пару месяцев сосед исправно совершал татаро-монгольское нашествие на Вероникину квартиру и холодильник, кавалерийский наскок на саму Веронику, оставляя после себя приятное ощущение в органах малого таза и очередной кредитный взнос.

Потом набеги и наскоки стали происходить все реже и реже, а потом и совсем прекратились, вместе с обязательными платежами. Далее за стоящую под окном соседскую «Лачетти» Вероника рассчитывалась сама. Аборт она сделала на свои. Денег не было. Счастья тоже. Годы шли.

Рассчитавшись с чужим кредитом, Вероника отметила 35-летие. За столом сидели немногочисленные безмужние подруги. Замужних подруг Вероника давно вычеркнула из своей жизни, чтобы не завидовать чужому счастью.

Исключение составляла лишь подруга Машка, у которой были пьющий и бьющий муж, трое разновозрастных детей, полное отсутствие денег, счастья, которому можно было бы позавидовать, и перспектив на их появление.

Между Машкой и незамужними подругами восседал сосед. Тот самый бывший любовник, который уже с месяц вновь совершал свое бесстыжее нашествие, не приносящее счастья.

Сорок Вероника не отмечала. Говорят, что нельзя отмечать сорок лет, счастья не будет. Посидели в день рождения... Она, подруга Машка и Машкин фингал под правым глазом.

Сосед-любовник никак не мог определиться, на какой жилплощади ему все-таки обитать. Он то поселялся у Вероники, то возвращался к законной супруге, которая все чаще заговаривала о том, что надо бы поменять квартиру. «Шевроле-Лачетти» после аварии продали на запчасти. Шофер Вася уволился из редакции. Тоже вместе со своей «Лачетти». Так что в жизни Вероники теперь не было ни «Лачетти», ни Васи. Мужа и счастья, естественно, не было тоже.

Зато в данный исторический момент времени у нее было два любовника. Сосед, куда ж без него, и старший Машкин сын – пэтэушник с маленьким объемом мозга и большим членом, доводящим Веронику до иступления.

Задумчиво потягивая разбавленное водой каберне из высокого красивого бокала (незадолго до дня рождения Вероника окончила курсы сомелье, просто так, для души и общего развития), она со всей страстностью своей натуры горячо доказывала Машке, что в сорок лет жизнь только начинается. Она точно знала, о чем говорила. Ведь в данный исторический

момент Вероника была беременна. И твердо решила, что аборт делать не будет. Ей нужно было только определиться, от кого именно она рождает. А также понять, как и на что жить дальше. Она не знала, что маховик убийства уже запущен и остается только ждать удобного случая для его свершения.

120 дней до выборов

– Его-о-о-о-ор... Ты просто невыносим...

Раздраженный голос жены глухо доносился из-за закрытой двери ванной, и, глядя в зеркало, невыспавшийся красавец и плеябой Егор Фомин тоскливо подумал, что выйти все-таки придется, ведь нельзя же торчать в ванной до бесконечности. Выйти и пережить очередной утренний скандал. Впрочем, а чего он еще ждал, вернувшись домой в три ночи?

«Она никогда меня не понимала, – думал он, с ожесточением водя по зубам щеткой (только с натуральной щетиной, остальное оставим плембсу). – Она никогда меня не понимала. А сейчас уже ничего не изменишь. Разводиться теперь равносильно политическому самоубийству. Да и не хочу я разводиться. Юльку жалко».

Двенадцатилетняя Юлька была чудо как хороша. Уменьшенная копия отца – высокого плечистого красавца с холодной синью глаз, открытым взглядом и тонкими породистыми чертами лица.

Сколько Егор Фомин себя помнил, на него оборачивались на улицах. Примерно с восьмого класса оборачивались. К его ногам и в его постель укладывались абсолютно все женщины, на которых останавливался его заинтересованный взгляд. А те, на ком взгляд не останавливался, совершали чудеса изворотливости, чтобы все-таки привлечь его внимание.

Он был красив той настоящей мужской красотой, от которой у женщин любого возраста и семейного положения неизменно перехватывает дыхание. Естественно, он знал про это. Знал и беззастенчиво пользовался, шагая по жизни, как настоящий победитель. Не беря пленных. Не считая оставленных позади себя жертв и не обращая внимания на многочисленные крушения чьих-то надежд.

Впервые он женился еще на первом курсе института. Его жена была совсем молоденькой девчонкой, которая глядела на него, замерев от восторга. Он женился, потому что она быстро забеременела, но изменял ей с первого и до последнего дня их семейной жизни. От того первого студенческого брака остались двое близнецов – Ромка и Вадик, которым он, естественно, помогал и которые росли красивыми и успешными пацанами. Как папа.

Он бы ни за что не развелся. Зачем, если жена на все его походы налево смотрела сквозь пальцы, понимая, что никак не может претендовать на то, чтобы таким совершенным явлением природы, как Егор Фомин, владеть единолично?

Она никогда ни в чем его не упрекала, поэтому он ни за что бы не развелся, если бы в первый и в последний раз в жизни не влюбился, как дурак. Его вторая жена была арфистка. Неземное создание из областного симфонического оркестра. Их познакомили в какой-то общей компании, и Фомин зачастил на концерты в филармонию, до которых раньше был абсолютно не охоч.

У него замирало сердце и екало в позвоночнике, когда он видел, как она охватывает арфу своими округлыми коленями, скрытыми черным классическим платьем. Член екал тоже, и каждый раз после концерта ему нужно было время на то, чтобы прийти в себя и встать с места, не шокируя окружающих.

Его второй жене было наплевать на его внешность и большие достоинства, хоть мужское, хоть финансовое и карьерное. Она снисходительно позволяла себя любить. Высмеивала его друзей и партнеров по бизнесу, которые были слишком далеки от настоящего искусства. Категорически не хотела закабалить себя детьми и за время их семейной жизни сделала то ли два, то ли три аборта.

Он бы ни за что не развелся. Она была единственной женщиной в его жизни, которой он пытался что-то доказать. Ради нее он быстро и легко сделал карьеру. Из простого мастера стал сначала начальником цеха, потом главным инженером, а потом директором завода. Мальчик с рабочей окраины, которого мать после смерти отца тянула из последних сил, чтобы вывести в люди и дать образование, он освоил экономику, менеджмент и финансы, с красным дипломом окончил второй институт и уверенно вел свой завод, как корабль, над пучиной кризисов и под штормами рейдерских атак.

Он бы ни за что не развелся, если бы жена не ушла от него к главному дирижеру своего оркестра. Плешивому плюгавенькому мужичку в вечно помятых штанах и с неукротимым творческим огнем в глазах.

От тоски он очень быстро женился в третий раз. Почему было и не жениться? Медсестра Катя, с которой он познакомился во время обязательной диспансеризации и в тот же вечер переспал, быстро забеременела Юлькой, оказавшейся полной копией папы.

Катерина безмерно ценила его статус и финансовые возможности. Но вот его половые возможности, а также неугасимое стремление использовать их направо и налево, приводили ее в неопишемую ярость. Она была собственницей и ни в какую не хотела делиться тем, что ей принадлежит по праву, закрепленному штампом в паспорте.

Быстро вычленив слабое место в его самообороне, она шантажировала его разводом. Понимала, что он ни за что не разведется. Из-за кучерявой Юльки. Впрочем, он тоже быстро понял, что она на самом деле никуда не уйдет от его больших возможностей и открывающихся для нее лично перспектив. Не работать. Ездить отдыхать за границу. Покупать тряпки в дорогих магазинах. Так они и сосуществовали, перемежая серые будни унылыми утренними скандалами.

От скуки он двинул в политику. Быстро победил на первых в своей жизни выборах в областное Законодательное собрание. Даже усилий особенно к этому прилагать не пришлось. Во-первых, потому что основу электората составляли избирательницы, которые млели под взглядом его невероятных голубых глаз с предвыборных плакатов.

А во-вторых, потому что основу его штаба составляли тоже женщины. Сподвижницы, которые днями и ночами были готовы работать на его победу, не щадя живота. Ну и низа живота тоже.

Его победа на вторых выборах была такой же быстрой и убедительной. Он и в политике сделал карьеру, оставив завод и на втором сроке заняв место заместителя председателя Законодательного собрания. Тогда ему было 37 лет. Сейчас 42. И на носу маячила перспектива третьих в его жизни выборов. Он шел на них по партийным спискам. От партии власти, разумеется. И как раз сегодня должно было решиться, под каким номером он будет включен в эти самые списки.

Точно проходными были первые пять мест. Под вопросом – еще два, максимум три. И вот под этим самым вопросом находиться никто не хотел. Фомин тоже. Еще месяц назад он был уверен, что окажется в списке четвертым. После губернатора области, который, по традиции, шел паровозом и на место на самом деле не претендовал, председателя Заксобрания Павла Шубина и его идейной соратницы, а по совместительству еще и многолетней любовницы Капитолины Георгиевны Островской.

Бывшая убежденная коммунистка, а ныне ярая активистка партии «Россия, вперед!» была немолода, одышлива, тучна и нехороша собой. Чтобы подогреть в Шубине интерес, она постоянно флиртовала и кокетничала с остальными представителями мужского пола. Выглядело это некрасиво. Омерзительно выглядело. Но Фомину, числившемуся в любимчиках у всемогущей дамы, не было до этого никакого дела.

Ему в страшном сне не могло бы присниться, что Капитолина испытывает к нему какие-то иные чувства, кроме материнских. Но вот поди ж ты... Пару недель тому назад ее толстые,

дряблые от целлюлита щупальца дотянулись и до него. Оставшись с Фоминым наедине, Капитолина повернула в дверях ключ, деловито разделась и столь же деловито объяснила застывшему посредине ковра Егору, что его четвертое место зависит от того, насколько хорошо он поработает членом в оставшееся до составления списков время.

Открывшаяся перспектива, равно как и лицемерие голой Капитолины, были столь отвратительны, что член работать категорически не захотел. Фомин постыдно бежал с поля боя, перепрыгивая через ступеньки и слыша позади себя истерические вопли оскорбленной в лучших чувствах Островской. Лейтмотивом в этих воплях было обидное слово «импотент».

С тех пор, приходя на работу, он то и дело наталкивался на ее ненавидящий взгляд и с тоской смотрел в будущее. С одной стороны, обойтись без него однопартийцы явно не могли. Он был фаворитом избирательной гонки, и его голубые глаза принесли бы партии больше голосов, чем любые предвыборные обещания всего остального списочного состава. Электорат-то оставался по-прежнему преимущественно женским. С другой стороны, о мстительности Капитолины слагались легенды, и несколько схаванных ею и выплунутых не до конца переваренными жертв Фомин знал лично.

Час икс наступал сегодня, и Фомин изрядно нервничал. Бреясь, он здорово порезался, а потом дрожащими руками никак не мог унять кровь, крупными алыми пятнами пачкающую раковину. Голос жены за дверью то утихал, то вновь набирал силу, и, наконец, залепив порез на подбородке кусочком пластыря, Фомин вышел из ванной навстречу этому пронзительному голосу и сегодняшнему дню, потенциально богатому на неприятности. Он не знал, что маховик убийства уже запущен и что остановить карающую руку убийцы практически невозможно.

– Ты просто невыносима...

Лежа в кровати, Анастасия Романова щурилась от яркого августовского солнца, бывшего ей в глаза из-за не полностью прикрытой шторы, и горестно думала, почему ей так не везет с мужиками.

Очередное невезение прыгало на одной ноге, пытаясь натянуть штанцы на отключенную гузку. Вообще-то лет десять назад она искренне считала, что ей жутко повезло. Тогда она, недавняя выпускница факультета журналистики, вернулась из своего МГУ и была взята в штат стремительно развивающейся газеты «Курьер». Ее стол поставили в кабинет, которым до этого момента безраздельно владел Борис Табачник – бывший военный журналист, прошедший Афган.

В тридцатисемилетнего Табачника, хоть и был он невысок ростом, были влюблены многие редакционные красотки: рекламистки, корректорши, бухгалтерши и журналистки тоже. В силу большой разницы в возрасте и бурной личной жизни Анастасия их пылких восторгов не разделяла. С готовностью подставляла плечо, чтобы в него можно было порыдать, выслушивала бесконечные излияния отчаявшихся барышень, давала советы, как толковые, так и не очень, но сама оставалась хладнокровной. Борис стал ей просто другом и первым наставником, и добрые чувства к нему, несмотря на его мерзкий характер, она сумела пронести сквозь годы.

Из «Курьера» Табачник быстро ушел на вольные хлеба, зарабатывал на жизнь экономическими обзорами, рекламными статьями и пиар-кампаниями, но с Настасьей иногда встречался. Они пили водку на ее кухне, и под стопарик он жаловался на жизнь, жену, любовниц, обстоятельства и прочая-прочая-прочая. Настя терпела, потому что он был друг, а друзьям нужно помогать. Хотя бы тем, что внимательно их выслушиваешь.

Примерно с год назад во время очередной такой дружеской посиделки не очень трезвый Табачник неожиданно встал на колени и, хватая Настю за руки, заявил, что все эти годы любил только ее. В данное обстоятельство Настя не поверила, но все-таки поддалась соблазну. Во-первых, из-за того, что в тот момент была одна, а во-вторых, потому, что стоящего на коленях Табачника ей стало жалко.

Сейчас, год спустя, она прекрасно отдавала себе отчет, что этот роман с самого начала был ошибкой. Табачник оказался еще более жутким занудой, чем она помнила по совместной работе. Бешено ревновал, но при этом не скрывал, что у него есть и другие любовницы. Постоянно жаловался на жену, но категорически не собирался с ней разводиться и, что самое страшное, по любому, самому мелкому поводу устраивал скандал со слезами, швырянием предметов, поджиманием губ и долгим, болезненным, нудным и утомительным выяснением отношений.

Настя от него ужасно уставала.

Вчера он остался у нее ночевать, и утром ее разбудил звонок его телефона. Отскочив к окну, Борис начал что-то горячо объяснять жене. Его вранье было таким неуклюжим и жалким, что Насте стало противно.

– Ты можешь, когда приходишь ко мне, отключать телефон? – попросила она, когда Табачник вернулся к ее постели.

– Зачем?

– Мне неприятно слышать твои разговоры с женой. Меня тошнит от твоего вранья. И мне не нравится, что меня разбудили, хотя я до звонка будильника могла спать еще минут сорок, – честно призналась она. Это и стало поводом для очередного скандала.

Брызгая слюной, Табачник орал, как он устал от ее постоянных претензий, как ему больно, что она никогда его не понимала, и как она, Настя, невыносима.

Щурясь от утреннего света, проникающего через шелку в шторах, Настя слушала его вопли и думала о том, почему ей не везет с мужиками.

Прооравшийся Борис натянул-таки штаны и рубашку, похлопал себя по карманам, проверяя наличие телефона и ключей от машины, и, кипя от возмущения, отбыл из ее квартиры, напоследок шарахнув дверь.

По-бабы вздохнув, Анастасия Романова откинула одеяло и пошлепала в ванную. Она была очень хороша собой: большая грудь, пышные бедра, а между ними тонкая талия. Ее рубенсовская красота пользовалась неизменным успехом у мужиков, 80 процентов которых, как известно, предпочитают полных женщин.

Настя же свой 52-й размер считала проклятием, вечно была собой недовольна и целыми днями сидела на диетах, чтобы вечером в отчаянном приступе голода найти в морозилке одинокую пачку заиндевевших пельменей и съесть ее, вылавливая пельмени прямо из кастрюли, причмокивая от нетерпения, радуясь, что так вкусно, и ужасаясь собственному несовершенству.

Еще у нее была длинная, толщиной с руку, коса, которую она с завидным упрямством отказывалась отрезать. Носила она только джинсы и разнообразные туники, прикрывающие ее большой размер. Лучшая подруга, тоже журналистка «Курьера» Инна Полянская, регулярно сетовала на то, что джинсы и балахоны Насти не вяжутся с ее длинной косой, да и вообще с настоящей русской красотой.

– Ты что, не видишь, что из образа вываливаешься! – кипятилась она.

– Какого образа? – вяло отмахивалась Настя.

– Такого. Если ты носишь эту дурацкую косу, то ходи в длинных юбках, которые носили кустодиевские красавицы. А если таскаешься в джинсах, отрежь свою косу, XXI век на дворе. И сними ты эти дурацкие балахоны, яви миру свою роскошную фигуру!

– Инка, отстань, мне в юбках неудобно. И это у тебя роскошная фигура с твоим 42-й размером, а я стесняюсь в обтягивающем ходить.

– Ну и дура! – убежденно восклицала сублильная Инна. – На твои формы у всех мужиков слюнки текут, а ты их прячешь под тряпками!

Настины формы, блестящие волосы, которые, когда она распускала косу, ниагарским водопадом спускались до самой попы, пухлые, четко очерченные губы и большие голубые глаза действительно пользовались неизменным успехом у мужчин. Отвечая в редакции «Курьера»

за «паркет», то есть официальные мероприятия властей, Анастасия Романова постоянно вращалась в кругу чиновников высокого ранга, депутатов всех уровней, политиков, как начинающих, так и со стажем. Она пользовалась благосклонностью губернатора, была на короткой ноге с мэром, называла на «ты» нескольких обитателей областного политического олимпа. У нее не было недостатка в любовниках, а список потенциальных претендентов на место в ее постели состоял из весьма влиятельных и уважаемых персон.

Тридцатипятилетняя Настя никогда не была замужем. Все ее любовные романы с честью проходили через конфетно-букетный период, на пике достигали накала страстей и неукротимо умирали в самом начале перехода на «бытовые» отношения. Настя была максималисткой, упорно делила мир на черное и белое и не признавала полутонов. Ее характеристики были такими точными, четкими и обидными, а требования, предъявляемые к мужчинам, столь непомерными, что ни один из них не оказывался готов соответствовать представлениям Анастасии Романовой о жизни.

– Господи, – хваталась за голову подруга Инна, – ты что, не понимаешь?! Женщина должна молчать и слушать. Молчать и слушать. И при этом глаза должны быть в пол. Ты опускаешь глаза в пол, Романова?

– Что за бред ты несешь?

– Это азы, блин! Если ты хочешь выйти замуж, то должна приручать мужика, как дикого зверя. Приманивать, прикармливать, выслушивать. Ты должна стать комфортной и незаменимой, как уютные домашние тапочки. Всегда быть в хорошем настроении, потому что дома у него сидит недовольная гримза. С блеском поддерживать разговор, давать советы, но очень незаметно и интеллигентно, чтобы он был уверен, что сам до этого додумался. Проявляя свой бешеный темперамент в постели, а в остальное время будь ласковой, послушной и терпимой. Ты должна быть женщиной-праздником. Ни в коем случае не напрягать, не принуждать, не нарушать комфорта. С тобой должно быть хорошо, понимаешь? Так хорошо, чтобы он понял, что ему с тобой гораздо лучше, чем с женой.

Но Настя с таким подходом не соглашалась. Ей казалось унижительным загонять кого-то в семейное стойло, используя подобные ухищрения. Она ждала и верила, что найдется человек, готовый принять ее такой, какая она есть, со всеми ее недостатками, прямолинейностью и тяжелым характером. Но он все не находился.

– С тобой, Романова, жить – это все равно что служить в армии под руководством строгого сержанта, – как-то во время редакционной пьянки сказал ей главный редактор «Курьера» Юрий Гончаров. – Упал-отжался, а если что не так, то сразу на «губу».

Настя тогда обиделась, но не задумалась. Хотя, по мнению подруги Инны, сравнение было точным и требующим срочного пересмотра жизненной позиции. Несмотря на тяжелый характер, подруги Настю любили. Она была верной и преданной, в любой момент подставляла плечо, давала дельные советы, не нарушала табу в отношении подружьиных мужчин и была в принципе не способна на предательство. За своих, к коим она, помимо подруг, относила еще и весь коллектив «Курьера», Настя могла «пасть порвать».

«Напиться сегодня, что ли? – мрачно думала она, лениво водя щеткой по зубам и разглядывая себя в зеркало. – Если с утра день не задался, то так наперекосяк и пойдет. Борька будет весь день звонить и трагически молчать в трубку. Потом начнутся сообщения с сентенциями о том, как я не права и как он страдает из-за моего плохого поведения. Я не стану отвечать, и он перейдет на тему своего возможного самоубийства. Чтобы я испугалась и прочувствовала всю глубину его страдания. Было в моем детстве такое кино... «В моей смерти прошу винить Клаву К.». Сюжет не помню совсем. Только название. Вот и Табачник начнет в своей смерти винить Настю Р. Фу... Как в дешевом романе. Такие, как Борька, никогда с собой не кончают. Мерзавец самовлюбленный. Все они – самовлюбленные мерзавцы!»

Выйдя из ванной, Настя налила себе кофе и закурила первую утреннюю сигарету. Настроение у нее было плохое, но никакие дурные предчувствия не терзали ее душу. Ничто не подсказывало, что маховик убийства уже запущен. И ждать его осталось совсем недолго.

– Ты невыносим...

Сергея Родионов с отвращением смотрел на свою мятую с утреннего похмелья физиономию. Как ни крути, а позволили они себе вчера с мужиками, крепко позволили. Вот сегодня с утра и башка трещит, и жена привычную шарманку завела.

Невыносим он, видите ли... Подумаешь, выпил. Он – Серега – не алкоголик какой-то. Не так часто себе и позволяет. Одноклассник с Севера приехал, впервые за шесть лет, такое дело грех не отметить было. Ну, посидели чуток, расслабились чуть больше обычного, разве ж это повод скандалить с самого утра?

«Уйти от нее, что ли? – подумал Родионов. – Сколько можно эту канитель тянуть? Хотя привык я к ней. Жизнь прошла, дети выросли. Сколько за спиной осталось...»

Тяжело вздохнув, Серега вспомнил, как дважды пытался уйти от жены, но оба раза возвращался обратно. И с ней он не мог, начинал беситься и тосковать как тетерев на току. И без нее тоже не мог – без бигудей на голове, широкоскулого лица, которым он так любовался в юности, язвительного голоса и забавной привычки во время сна заворачивать на него обе ноги. Томился он без жены и оба раза приползал обратно, скуля, как нашкодивший щенок, и униженно прося прощения.

Жена его измены и походы туда-сюда, конечно, не одобряла, но решительных действий не предпринимала. Боялась, видно, что останется совсем одна. А как жить одной бабе под полтинник? Дети взрослые, того и гляди внуки пойдут. Нет, не найти ей другого мужика.

Родионов знал, как отчаянно его жена боится одиночества. Этот страх заставлял ее терпеть и прощать любые выходки мужа. Пусть шляется, все мужики – кобели подзаборные, лишь бы совсем не бросил.

Помимо неизбежного кобелизма Серега никакими недостатками не страдал и для семейной жизни вполне подходил. Пил действительно редко и только по поводу. Руки не распускал. Деньги в дом отдавал до копеечки. Да и зарабатывал немало.

Работа у Родионова называлась смешно: «муж на час». Иногда в порыве гнева жена утверждала, что при его любвеобильности он вполне оправдывает это название. Но Родионов лишь отмахивался от дуры-бабы. На самом деле занимался он вполне пристойным делом: вешал люстры и карнизы, чинил сантехнику, подключал стиральные и посудомоечные машины. Руки у него были золотые. Родионовская жена по хозяйству с ним горя не знала, да и зарабатывал он этими руками вполне достаточно. Если не лениться и браться за любую работу, то и без высшего образования можно себе и на телевизор новый заработать, и на Турцию с Египтом.

В Турцию Родионов пять лет назад летал со своей любовницей. А в Египет в прошлом году уже с женой. С кем ему больше понравилось отдыхать, он так и не понял, потому что из всех прелестей отдыха выбирал сначала бар на пляже, потом бар у бассейна, а потом бар в лобби. Олл инклюзив же. За все заплачено.

В общем, жизнью своей Серега был вполне доволен. Благодаря физическому труду в свои сорок восемь выглядел он значительно моложе. Был высок, достаточно подтянут, сумел сохранить шевелюру практически не поредевшей, а лицо – открытым и мужественным.

Был он, конечно, не так красив, как его сосед, политическая шишка Егор Фомин, но тоже вполне себе ничего. Фоминская дочка, когда маленькая была, их со спины даже один раз перепутала. Играла с подружками во дворе, увидела подходящего к подъезду Серегу и напрыгнула на него сзади, повисла на плечах с громким воплем: «Папа». Метров десять на нем ехала, пока не увидела выходящего из машины Фомина. Девчонку с Сереги тогда как ветром сдуло.

И ржали они с Егором потом долго, несколько лет ржали над этой историей. Егор-то мужик хороший. Простой, хоть и шишка. А что, шишки – они, почитай, тоже люди.

– Кончай гундеть, – решительно сказал Родионов жене, отгоняя неожиданные воспоминания. Поди ж ты, сколько лет прошло, а вспомнилось! Отодвинув жену в сторону, он открыл холодильник, достал банку с солеными огурцами и, сорвав крышку, припал губами к живительному рассолу, холодной струйкой потекшему в измученное засухой горло.

На миг заломило от холода зубы, а за ними и затылок. Родионов зажмурился и замычал от удовольствия. Он не мог знать, что маховик убийства уже запущен и жить ему осталось всего ничего.

В зале, где вот-вот должна была начаться областная партийная конференция, стояла невыносимая духота. Кондиционер не работал, и Егор с тоской подумал, что сидеть два часа в этом пекле будет невыносимо.

Зал потихоньку наполнялся людьми, и Егор чувствовал себя Ванькой-встанькой, вынужденным то и дело приподниматься со стула, здороваться, жать липкие от жары руки, раскланиваться с дамами и снова садиться.

Он нервничал, понимал, что нервничает, и сердился на себя из-за этого. Последний раз такое же мерзкое чувство, связанное с ожиданием наказания и мучительным гаданием «пронесет-не пронесет», он испытал в восьмом классе, когда директриса поймала его курящим на заднем школьном крыльце, грозила вызвать мать и метала громы и молнии, потрясая худенькими кулачками.

Матери Егор не боялся, ему ее было невыносимо жалко. Тоже худенькую, всегда усталую, работающую на трех работах, чтобы вырастить его и еще троих сыновей. Егор был старшим, и, по-хорошему, после восьмого класса ему следовало пойти в ПТУ, чтобы быстро получить профессию и наконец-то слезть с материнской шеи. Но он хорошо учился, и мать была готова из кожи вон лезть, чтобы дать ему высшее образование.

Директриса кричала про плохую характеристику, и Егору было страшно, что из-за этой характеристики его не возьмут в 9-й класс и он пойдет в ПТУ, а мать станет плакать, и слезы потекут по ее старенькому морщинистому лицу. Матери на тот момент было тридцать пять, но она уже тогда казалась ему глубокой старухой.

Ему было страшно и стыдно, что он так боится. И чтобы победить свой страх и стыд, он ласково посмотрел на директрису, дерзко уставившись ей в лицо своими голубыми глазами. Именно тогда он впервые осознанно попытался использовать свою красоту как щит. Он, пятнадцатилетний пацан, смотрел на эту взрослую, неустроенную женщину жадным мужским взором, и она сбилась с высокой ноты своего гнева, засмушалась и, неожиданно погладив его сначала по голове, а потом по щеке, сказала:

«Егорушка, мальчик... Иди и больше так не делай».

Он на всю жизнь запомнил кислый привкус отчаянного стыдного страха и остро-сладкий вкус победы. И сейчас, спустя почти тридцать лет, понял, что испытывает сходные чувства. Подсознательно ожидая подобной развязки.

Конференция началась. Председатель Законодательного собрания, он же лидер партии Павел Шубин, прочитал доклад. Начались прения, в которых выступающие говорили о роли партии в истории и необходимости со всей ответственностью подойти к сложному вопросу составления списков.

Быстро утвердили первую тройку – губернатор Малоземов, сам Шубин и Капа Островская. Все предсказуемо, никаких сенсаций.

Фомин внутренне напрягся, наступал час икс. К его радостному изумлению, Капитолина не попросила слова, продолжая расслабленно сидеть в президиуме. На Фомина за все время конференции она ни разу не посмотрела. К микрофону вышел самый возрастной депутат Сте-

пан Булавин (Егор частенько размышлял, почему родители не называли его Кондратом) и, шамкая вставной челюстью, предложил остальной списочный состав утвердить тайным голосованием.

Фомин возликовал. В открытый бой с Островской, начини она настаивать на его политическом убийстве, вступить не рискнул бы никто. А в том, что при тайном голосовании он окажется на заслуженно высоком месте, он даже не сомневался. Ну, сама Капа нагадит, да еще кто-нибудь ее поддержит, и это все. Все остальные будут за него. Хотя бы из желания показать Капе фигу в кармане.

Спустя десять минут итоги тайного голосования были подведены. В партийном списке на выборах в начале декабря политический тяжеловес, умница и красавец Егор Фомин значился под седьмым номером.

Он был повержен, убит, раздавлен. Проклятая Капитолина не сводила с него внимательного взгляда. Она проделала большую работу и была вполне довольна ее результатами и открывшейся ее взгляду картиной поверженного врага.

«Убью суку!» – с бешеной яростью подумал вдруг Егор и в отчаянном порыве рванулся к Островской, пытаясь схватить ее за жирное дряблое горло. Его, конечно, оттащили, поднялся невообразимый гвалт, в котором задыхающийся Егор слышал только высокий торжествующий хохот Капитолины, переходящий в тонкий надрывный визг.

Расталкивая толпу локтями, Фомин бросился вон из зала. Ближе всего оказался женский туалет, куда он и ворвался, на ходу срывая шелковый галстук. Три пишбарышни, потревоженные его появлением, закудахтав, выскочили в коридор. Сунув галстук в карман, Егор рванул кран и подставил голову под струю холодной воды.

Ярость от перенесенного унижения постепенно проходила, возвращая ясность мысли.

«Я этого так не оставлю, – вслух сказал Егор, поднимая голову, с которой стекала вода, и глядя в мутное зеркало. – Я вам отомщу. На коленях приползете, а поздно будет».

Закрутив кран, он вытер ладонью лицо, вышел из туалета, шарахнув дверью и вновь испугав любопытных пишбарышень, дошел до своего кабинета, не отвечая на вопросы встревоженных встреченных коллег, заперся изнутри и придвинул поближе телефон.

Немного подумав, он сделал три звонка – директору крупного подшипникового завода Игорю Стрелецкому, депутату Сергею Муромцеву, не имеющему отношения к партии власти, а потому не присутствовавшему на историческом заседании, и журналистке газеты «Курьер» Насе Романовой. Всем он сказал одно и то же:

«Надо поговорить».

Из интервью Анастасии Романовой с председателем Законодательного собрания Павлом Шубиным:

– Павел Константинович, есть ли что-то в жизни, что вы категорически не приемлете?

– Измену. Она отвратительна. Ее ничто не может оправдать.

– Вы имеете в виду измену Родине?

– Я имею в виду измену как таковую. Родине, другу, жене, выбранному делу, своему призванию. Ее нельзя прощать, в том числе и самому себе. Измена – как плеть, которой сначала секут тебя, в тот момент, когда ты о ней узнаешь, а потом ты сам сечешь себя ею всю оставшуюся жизнь. Рубцы от измен никогда не проходят, поэтому их лучше не наносить.

– Вы так горячо об этом говорите...

– Потому что я привык страстно отстаивать свои убеждения.

– Вы говорите, как человек, которому довелось на своей шкуре испытать, что это такое.

– Нет, бог миловал. Я, знаете ли, женился в 18 лет. Мы с женой уже сорок лет вместе, и, конечно, я убежден в том, что она мне никогда не изменяла.

– А вы ей?

– Я вам уже сказал, что считаю измену отвратительной. Я всю жизнь был на виду, так что совершать отвратительные поступки не мог не только из моральных побуждений, но и из карьерных, если хотите. За такие дела можно было и партбилета лишиться.

– То есть вы блюли супружескую верность только потому, что шли вверх по карьерной лестнице?

– Не ловите меня на слове. Мы с женой сорок лет прожили душа в душу. Все эти сорок лет, с первого дня и по сей день, я всегда, возвращаясь домой, приношу ей подарок. Это традиция. Даже если это всего-навсего одна конфета, она есть у меня в кармане пиджака. Маленькие ритуалы сохраняют отношения. Так что в измене даже потребности никогда не возникало. Можете считать меня старомодным и несовременным, но это так.

Слушая Шубина, Настя знала, что он лжет. И он прекрасно понимал, что она об этом знает. Помимо многолетней, еще с молодости, связи с Капитолиной Островской, Шубин мог похвастаться изменами своей жене – расплывшейся клуше, на уме у которой были только пироги и вязание крючком, – еще и с другими женщинами. Образ мудрого, честного, чуть старомодного политика был просто нужен ему, и он лепил его, особенно не стесняясь какой-то там журналистки. Как показало время, на «конфетку жене» купился не один десяток избирателей. Думая об этом, Настя злилась не только на саму себя, подготовившую эту «развесистую клюкву». В такие минуты она стыдилась своей профессии.

Глава 2

Ответный ход

118 дней до выборов

Егор Фомин сидел в прохладной и стильной до какой-то особой прозрачности приемной Игоря Стрелецкого. Председатель совета директоров крупнейшего в городе завода вопреки обыкновению опаздывал. О скрупулезности Стрелецкого ходили легенды, но прошло уже полчаса с назначенного времени, а его все не было. Впрочем, он позвонил Фомину, чтобы предупредить, что задерживается, поэтому Егор был не в претензии.

Вынужденная отсрочка не злила его, а давала дополнительное время на раздумье, что было отнюдь не лишним перед решительными действиями. Егор Фомин намеревался сделать ход конем и в ответ на унижительное и оскорбительное седьмое место в партийном списке на выборах в Законодательное собрание выдвинуться на пост мэра города, выборы которого совпадали с депутатскими.

Это был не просто смелый, а отчаянный шаг. И партия власти, и губернатор области поддерживали на этих выборах действующего градоначальника Александра Варзина. Городом тот рулил уже лет десять, был в меру толст, в меру добродушен, в меру ленив и в меру сговорчив. Сферы влияния были поделены давно и успешно. К переделу никто не стремился, и Варзин был своеобразным гарантом того политического спокойствия, которое царило в городе.

Помимо других талантов, имеющихся у человека, начинавшего свою карьеру инструктором райкома комсомола, у него был несомненный талант переговорщика. Представители крупного бизнеса и мелкие лавочники, депутаты и бандиты, бюджетники и журналисты всегда могли договориться между собой, если посредником выступал Варзин.

Равновесие всех устраивало, несмотря на то что зимой город засыпало снегом, который никто и не думал убирать, летом в половине жилых домов по два месяца не было горячей воды, а холодная вода круглогодично доходила до верхних этажей лишь по ночам. Детские сады при Варзине были успешно приватизированы, подростковые клубы и спортивные секции закрыты из-за нехватки финансирования, в больницы с перебоями поступали то лекарства, то продукты, а в ямах на большинстве улиц, включая центральные, везунчики оставляли колеса, а невезунчики сразу машины.

В число таких вот невезунчиков однажды попал даже губернатор Малоземов. Поехал по улице Преображенского, чтобы сократить путь и объехать светофоры, да и провалился на своем джипе в яму, скрытую лужей. Чтобы достать губернаторский джип, пришлось вызывать трактор, а финансы на ремонт улицы Преображенского раздосадованный губернатор пообещал заложить на будущий год в областной бюджет.

Молодой, активный, деятельный и обаятельный, Егор Фомин имел все шансы обыграть Варзина на выборах. Конечно, никто не ожидал от него такого шага, и в этом скрывалось как огромное преимущество перед потенциальным противником, так и огромный риск. Было понятно, что власть, против которой он собирался действовать, встанет единым фронтом против политического выскочки.

Фомина ждала война. И для того, чтобы иметь шансы не только уцелеть, но и победить, ему нужны были неожиданные, сильные и неустрашимые союзники.

Первым накануне стал политик и бизнесмен Сергей Муромцев. На выборах он всегда играл против партии власти и всегда побеждал ее выдвиженцев. Никого по-настоящему нужного против Муромцева никогда не выдвигали, потому что переиграть его было невозможно. Имеющий богатое прошлое, в том числе и уголовное, Сергей Васильевич пиаром занимался начиная со следующего дня после победы на предыдущих выборах, был неисто-

щим на выдумки, организовывал такие информационные поводы, что местные журналисты, рыдая, были вынуждены писать про него большие, интересные, а главное, бесплатные статьи. Он думал на несколько шагов вперед, не гнушался никакими методами борьбы, был харизматичен, любим народом и несокрушим, как скала. Неожданное решение Фомина было ему только на руку – оно отвлекало внимание власти от самого Муромцева и увеличивало его шансы на победу на выборах в Заксобрание.

После проведенных переговоров и заключения делового соглашения Егор получал возможность пользоваться муромцевской разведкой и контрразведкой, а также вполне дельные советы по ведению собственной предвыборной кампании. В предстоящей Егору войне Муромцев был «вторым фронтом», оттягивающим силы противника.

– Денег не проси, не дам, – предостерег Сергей Васильевич в самом начале разговора. – Мне самому нужны. Выборы, знаешь ли, удовольствие дорогое.

– Не попрошу, – спокойно ответил Фомин. – Помоги делом, если можешь, а денег не надо, обойдусь.

– Богатый, что ли? – недобро ухмыльнулся Муромцев.

– Ты мое богатство знаешь.

– На кого надеешься, если не секрет?

– Пока не знаю. Но думаю, что в этом городе немало бизнесменов, которым до смерти надоел Варзин. Ни одного вопроса же не решить, все вязнет в круговой поруке!

– Н-да, есть такие, – крикнул Муромцев. – Но это те, кто договариваться не умеет.

– Ты имеешь в виду, те, кто склониться не хочет и подмять себя не дает? – уточнил Фомин.

– Да по-разному. – Муромцев вздохнул. – Есть и такие, а есть с гордыней непомерной. А гордыня – плохой советчик. Ты, кстати, это учти. Твое спонтанное решение тоже ведь гордыней продиктовано. Унизили тебя, ты отомстить захотел. А вот надо ли, Егор? Ты в списке седьмой. С учетом, что Малоземов снимется, шестой. Мест пятнадцать. То есть ты проходишь, если партия набирает 40 % голосов. А она абсолютно точно их набирает, не может не набрать. Зачем тогда рисковать? Тебя ведь не на 9-е место в списке поставили, а на седьмое, абсолютно проходное. То есть не наказать решили, а так, проучить малость.

– Я что, кот нашкодивший?! – Голос Фомина зазвенел от вновь нахлынувшей ярости. – Почему в политике, заметь, Серега, большой политике, решения принимаются передком выживающей из ума бабы?! Я себя не на помойке нашел и ноги об себя вытирать не дам! Я последние четыре года пахал как ишак. На партию пахал, между прочим. А меня, как ты говоришь, проучить решили. Ну что ж... Посмотрим, кто кого проучит.

– Как знаешь. – Муромцев снова коротко вздохнул. – Ты не думай, я ж не против. Мне только веселее. Прикольно будет смотреть, как по тебе картечью палят. Пара выстрелов, и шкурка вся дырявая, можно макароны сливать.

– А чем моя шкурка от твоей отличается? Ты ж вон не боишься.

– Ты не сравнивай, Егор. У меня за плечами такая школа, которая тебе и не снилась. Меня пугать себе дороже. А ты у нас мальчонка интеллигентный, хлипкий то есть. Боюсь, не сдюжишь. И не говори потом, что я тебя не предупреждал.

Сидя в приемной у Стрелецкого, Фомин снова прокручивал в голове этот разговор. Союзник Муромцев, конечно, ненадежный. И думать будет только о себе, и «второй фронт» откроет не вовремя, и товары по ленд-лизу поставит просроченные. Но даже ненадежный союзник лучше, чем никакой. Да и опыта политической борьбы у него хоть отбавляй.

Хлопнула дверь, и в прозрачную приемную влетел Стрелецкий. Он и в движении был так же быстр и решителен, как в бизнесе. Высокий, подтянутый, с чуть тронутыми седой висками, Стрелецкий не был так красив, как Фомин. Приплюснутый в юношеских заня-

тиях боксом нос и упрямая, выдвинутая вперед челюсть лишали его внешность совершенства, но огромная харизма и природный магнетизм манили к нему всех женщин без исключения.

От него исходило притягивающее чувство власти, больших денег, мужской силы, а главное – непреходящей уверенности в себе и в том, что у его ног лежит весь мир. Под взглядом его невероятных глаз, не холодно-голубых, как у Фомина, а теплых, ярко-синих, опущенных черными ресницами, хотелось начать выделять самые невероятные вещи: станцевать сальсу, прочитать вслух сонет Шекспира в подлиннике или доказать теорему Ферма.

Однако в отличие от Фомина Стрелецкий не стремился к славе и образу жизни донжуана. Его первый, тоже еще студенческий брак некоторое время назад распался. Но многие известные городские красавицы, воспринявшие этот факт, как сигнал расправить крылышки и расчехлить орудия, остались ни с чем. На светских раутах он внимательно выслушивал любую прикинувшую к нему барышню, заливал ее светом своих синих глаз, был внимателен и предупредителен, но не раздавал никаких авансов и быстро исчезал, не оставив даже надежды на продолжение знакомства.

В прошлом году он при очень романтических обстоятельствах познакомился с владелицей процветающего брачного агентства «Зимняя вишня» Алисой Стрельцовой, как и положено настоящему рыцарю, спас ее от всех врагов и увез в свой дом-замок, построенный в самом престижном городском районе «Сосновый бор»¹. С тех пор другие женщины не существовали для него так явно, что это было даже обидно. При очередной попытке флирта его взгляд делался настолько насмешливым, что барышням становилось не по себе. Любви к Алисе со стороны городского бомонда это, конечно, не добавило. Но им с Игорем было на это глубоко наплевать.

Впрочем, любовные дела Стрелецкого сидящему в его приемной Егору Фомину были до лампочки. Его интересовали денежные возможности олигарха, а также его давнее противостояние с действующим мэром города. Стрелецкий не желал идти на поклон, а также платить регулярную мзду, обязательную для всех городских предприятий и обеспечивающую лояльность городской власти. Он не ходил на сборища, организуемые мэром, не участвовал в его затеях и не поддерживал начинания. Как результат, он уже три года не мог получить для своего завода – к слову, одного из главных бюджетообразующих предприятий города – льготу по налогу на землю, помощи в решении квартирных вопросов для сотрудников, а также в асфальтировании улиц в микрорайоне, где жили его рабочие.

Дом с квартирами-студиями для молодых семей Стрелецкий в результате построил сам, выделив кусок земли на территории завода. Пару улиц заасфальтировал за свой счет и на Варзина плюнул, благополучно решив, что «шерифа не волнуют проблемы индейцев». Впрочем, своего мнения о лени, бездеятельности и жадности действующего градоначальника он ни от кого не скрывал, потому что наказать его за это нелюбезное мнение у Варзина были руки короткие.

Вот на это мнение, желание поквитаться с мэром и получить в свои руки фактически бразды правления городом и рассчитывал сейчас Егор Фомин. Крепко рассчитывал, чего уж тут скрывать.

Его расчет оправдался полностью. Выслушав Егора, Стрелецкий думал совсем недолго. Пару минут, не больше.

– Я тебя поддержу, – сказал он, потирая коротко стриженную крепкую голову. – И денег на выборы дам. Варзина давно пора менять, и если не мы с тобой, этот город будет покрыт плесенью еще пять лет. С должностью ты справишься. Обо всем остальном, думаю, мы договоримся.

¹ Подробнее читайте об этом в романе Л. Зарецкой «Приворот для Золушки».

– Подумай, Игорь, – Фомин решил быть честным до конца. – Это война. И я в нее тебя втягиваю.

– Я не школьник. – Стрелецкий мимолетно улыбнулся, и в этой его улыбке на мгновение промелькнула и исчезла вся мощь этого человека. – Меня в плохую компанию втянуть нельзя. Война, говоришь?.. Ну что ж, давай повоюем. Я, признаться, до этого в политику никогда не встречал. Не по мне она. Тухло, гнусно и неинтересно. Но твоя идея всколыхнуть это болото мне по душе. Советами помочь не могу, потому что ничего в этом не понимаю. А денег дам, сколько потребуется. Сколько тебе потребуется, Егор?

– Много. Предвыборный фонд – пять миллионов. Ну и черным налом еще столько же.

– Ну, в масштабах твоего бывшего предприятия это, может, и много. – Стрелецкий необходимо засмеялся. – А в масштабах моего – нет. Я дам тебе эти деньги, Егор. Можешь смело рассчитывать миллионов на двенадцать. Но играть будем по-честному.

– Можешь смело на это рассчитывать, – в тон ему ответил Фомин.

– С чего начнешь?

– С создания предвыборного штаба. Сам понимаешь, тут одному не справиться.

– Ну что ж... Давай. Завтра тебе позвонит один человек, скажет, что от меня. Он будет твоим руководителем штаба и финансовым советником. Ты уж извини, Егор, но мне лично всей этой предвыборной возней заниматься некогда, – Стрелецкий поднялся, показывая, что разговор закончен. Фомин тоже встал.

– Понимаю, поэтому не буду больше отвлекать. И да, Игорь...

Стрелецкий выжидательно посмотрел на него.

– Спасибо тебе.

Настя курила уже четвертую сигарету подряд. Всего два дня назад ей позвонил Фомин, коротко бросил в трубку:

– Надо встретиться.

– Давай встретимся, – покорно согласилась она.

– Не сегодня. Мне надо пару дней, чтобы кое-что утрясти. Никуда не уезжай. Дело важное.

Услышав в трубке гудки, Настя серьезно рассердилась. Бесцеремонность Фомина и его постоянные попытки управлять ее временем приводили в холодное бешенство. Вернее, если совсем начистоту, то бесила ее своя собственная неспособность этим попыткам сопротивляться и практически постоянная готовность идти у Егора на поводу.

Фомин был друг. И этот факт, к огромному Настиному сожалению, был лишним подтверждением старой мудрости: мужчина-друг – это или бывший любовник, или будущий. И если время показало, что друг Табачник был любовником будущим, то Егор Фомин был из категории любовников прошлых.

Роман с ним был одним из самых ярких, захватывающих и бурных. До сих пор Насте было больно вспоминать, как сильно она его любила. Это и происходило-то всего пять лет назад, а кажется, что в прошлой жизни.

Редакционные злопыхательницы поговаривали, что Фомин затеял этот роман на спор с главным редактором газеты «Курьер» Юрием Гончаровым. Мол, сидя с приятелем за бутылкой коньяка накануне очередных выборов, Гончаров отпустил что-то насмешливое в адрес фоминских донжуановских способностей, а тот самонадеянно заявил, что окрутит в редакции любую бабу, на которую укажет его собеседник.

Злополучное пари Гончаров заключил, чего спяну не сделаешь, и почему-то указал именно на Настю, которая уже спустя неделю пала жертвой фоминских чар.

Насколько правдива эта история, Настя не знала. Спрашивать главреда не решалась, а сам Фомин, которого она однажды все-таки приперла к стене, от расспросов ловко ушел. В иску-

стве ухода от выяснения отношений ему вообще не было равных. Впрочем, сначала Насте было наплевать на редакционные сплетни, потому что она светилась от всепоглощающего счастья и объясняла все пересуды обычной бабской завистью. Потом она особо не стремилась к правде, понимая, что может не выдержать ее обжигающей боли, а потом ей стало в общем-то все равно.

Егор Фомин был важной частью ее жизни, но уже прошлой. И остался ее другом, который вовремя рассказывал свежие политические сплетни, периодически заезжал на чай, давал дельные советы по написанию статей, выслушивал еще более дельные советы по поводу того, как вести себя с друзьями и с врагами и как в политике отличить одного от другого.

Любовь прошла. Привычка бежать по первому зову осталась, и это Настю чрезвычайно злило. Телефонный разговор ее не заинтриговал, ничего необычного в нем не было, и Настя вовсе не собиралась с нетерпением ждать встречи, чтобы узнать, что так сильно взволновало ее бывшего возлюбленного. А в том, что Егор взволнован, она не сомневалась.

Впрочем, уже к вечеру разнеслась весть о решении, принятом партийной конференцией, и номере семь, уготованном Егору Фомину. Для Насти это стало полной неожиданностью. Сгорая от любопытства, она попыталась дозвониться до него, чтобы узнать подробности. Но Фомин трубку не брал.

Немного подумав, Настя набрала номер своего постоянного информатора Сергея Муромцева.

– Сергей Васильевич, это Романова, – сказала она, услышав вальяжный голос в трубке.

– Привет, Романова. Чего хочешь?

– Подробностей о сегодняшнем скандале. Почему Фомин в списке только седьмой?

– Так ты у него спроси.

– Я бы спросила, да он трубку не берет, – призналась Настя, – а мне ведь интересно.

– Бабы все любопытны, а журналистки – особенно. Ты думала, вам одним нужно уметь вовремя и правильно давать? Нет, мужикам иногда тоже приходится.

– Не поняла.

– Чего уж тут непонятного? – Муромцев притворно вздохнул. – Положила наша Капа глаз на твоего Егора.

– Он не мой, – машинально возразила Настя.

– Ну, не на твоего, какая разница. А Егор оказанного ему доверия не оправдал, партийное домашнее задание не выполнил, Капе удовольствия не доставил. Вот и огреб.

– Сергей Васильевич, вы чего, шутите, да?

– Почему же шучу? Отнюдь нет. Ты когда до своего Фомина дозвонишься, хорошо, не своего, – пресек он протестующий Настин возглас, – он тебе в деталях и подробностях все расскажет. Вы же, бабы, – сучки редкостные. Мстительные. А Капа от того, что партийный лидер и конь с яйцами, – баба вдвойне. Ей в повседневной жизни гормоны ни к чему, вот она их на военные действия и расходует, чтобы паче чаяния не захлебнуться.

– А как вы думаете, почему Егор трубку не берет? Он мне звонил сегодня, но ничего не рассказал, сообщил лишь, что ему со мной на днях увидеться надо.

– Ну надо, значит, увидишься. Трубку не берет, потому что думает, что ему дальше делать. Я его, кстати, через два часа у себя жду. Договорились мы. Так что передам, что ты икру мечешь.

– Да нет, не надо, – вздохнула Настя. – Я действительно скоро все от него узнаю. А икру я не мечу вовсе.

– Конечно, – покладисто согласился Муромцев. – Тебя Егорка интересует как курс доллара. Исключительно в деловых целях. – И обидно засмеявшись, он положил трубку.

Фомин объявился лишь спустя два дня. Приехал к Насте в редакцию, запер дверь кабинета, который она теперь занимала в гордом одиночестве, и рассказал о своих мэрских амбициях. Для Насти это стало полной неожиданностью.

– Погоди, Егор, – жалобно сказала она. – Я ничего не понимаю. Ты что, собираешься бороться с Варзиным? Зачем?

– Что значит зачем? – Фомин злобно прищурился. – Полгода назад я обсуждал с Шубиным и Островской возможность выдвижения меня на пост мэра города. Потом фишка легла иначе, и все решили, что оставят Варзина еще на один срок, потому что это всех устраивало, и вести полноценную кампанию по новому кандидату партии одновременно с выборами в Законодательное собрание не с руки. Мне сказали, чтобы я подождал пять лет, и уже на следующих выборах город будет мой. Я с этим согласился, потому что считал, что я член команды.

Позавчера меня выкинули из этой команды как щенка, показав мне мое настоящее место. И что, я должен это молча проглотить? Отряхнуться и сказать спасибо, что не утопили в дерьме совсем, а только обмазали им с ног до головы? Нет уж, не хочу.

Полгода назад мои шансы на победу в мэрских выборах оценивались по всем рейтингам как весьма высокие. Я хочу использовать эти шансы. Не от партии, а как самовыдвиженец. Я стану мэром, обеспечу свою политическую карьеру и в то же время не буду никому из этих упырей ничем обязан. Чем плохо?

– Они сожрут тебя, Егор, – печально сказала Настя. – Неужели ты думаешь, что они будут спокойно смотреть, как ты нарушаешь их большую игру? Да они уничтожат тебя! И хорошо, если только политически, а не физически.

– Ты что, совсем? Из-за какого-то по большому счету никому не нужного Варзина они решатся на убийство? Мы ж не на Сицилии живем! Ты чего? Это законопослушные, зажиревшие партократы, а не какие-то там мафиози! Легко, конечно, не будет. Но никто и не обещал, что будет легко. Зато не унижительно.

– Ты думаешь, Капа так легко от тебя отстанет?

– Знаешь уже? – крикнул Фомин.

– Муромцев просветил, – кивнула Настя.

– Ну, так если знаешь, то вдвойне должна понимать, что зарвавшуюся бабу надо на место поставить. Стану мэром, им всем придется со мной считаться. Хотят они этого или не хотят. Ты мне другое скажи. Я сейчас буду штаб формировать. Ты со мной?

– С тобой, конечно, – тяжело вздохнула Настя.

– Ну и ладненько. Я сейчас еще к Гончарову загляну. Мне помощь на страницах вашей газеты ой как понадобится. А ты будь на связи и не вешай нос. Сейчас такие дела закрутятся! Интересно будем жить, Настюха!

– Чтоб тебе жить в интересное время – это такое китайское проклятие, – мрачно заметила Настя.

Сейчас она курила уже четвертую сигарету подряд и думала о том, что решение Фомина и обещание самой Насти ему помочь ничего хорошего ей не несет. Как политический обозреватель, она была хорошо знакома с мэром Варзиным. Регулярно ходила на его брифинги и пресс-конференции, напрямую звонила на мобильный за любыми комментариями, посещала новогодние и восьмимартовские приемы и, как ни странно, в целом относилась к мэру достаточно хорошо.

Признавая все его управленческие недостатки, она знала, что мужик он добродушный и незлобивый, а главное – всегда готовый прийти на помощь. По прямому звонку Варзину решались Настины коммунальные проблемы, у детей подруг появлялись бесплатные пропуска на городские катки и в бассейны, без очереди в ГИБДД Настин маленький «Мицубиси Кольт» получил красивые блатные номера в городском ГАИ. Настя ни на минуту не сомневалась, что ее поддержка Фомина будет воспринята Варзиным как предательство. И отдавала себе отчет, что в общем-то так оно и есть. И это обстоятельство вносило разлад и смятение в ее цельную, честную и искреннюю душу.

Докурив сигарету, Настя снова вздохнула и потянулась к мобильнику. Она решила посоветоваться с двумя своими самыми близкими подругами – коллегой Инной Полянской и Алисой Стрельцовой – той самой «женщиной жизни» олигарха Игоря Стрелецкого.

– Ничего себе! – Двумя часами позже Инна Полянская, более известная под псевдонимом Инесса Перцева, возбужденно мерила шагами маленькую кухню в Настиной однокомнатной квартире. – Нет, Романова, это же сенсация вообще!

– Сенсация. – Настя снова курила, глубоко затягиваясь от волнения. – Я тебе больше скажу. Это огромный политический скандал, в который я окажусь втянутой. Вот ведь положение! И отказать Фомину я не могу. И с Варзиным так поступить неудобно. Он столько хорошего для меня сделал. Да и с всесильной Островской ссориться не с руки.

– Ну, положим, на Капу тебе наплевать, – философски заметила Инна. – Где ты, где она. И что, говоришь, наш Гончаров Фомину тоже помощь пообещал?

– Пообещал, – мрачно ответила Настя. – Правда, ты же знаешь нашего Юрия Алексеевича. Он с властями предержащими ссориться не захочет. Поэтому они с Егором оговорили первое большое интервью, в котором он заявит о своих притязаниях на мэрское кресло, а дальше – по обстоятельствам.

– Ну конечно, такое скандальное интервью, которое обеспечит полную скупку всего тиража, наш Юрик в жизни не пропустит. Главное, чтобы дальше в кусты не сбег, когда заговорят пушки, – философски заметила Инна. – Вот что с тобой, Романова, делать? Взяла и в одночасье без денег меня оставила.

– Каких денег?

– Каких денег, – передразнила Инна. – Я, к твоему сведению, не далее как позавчера с Варзиным разговаривала и была официально приглашена в его штаб в качестве главного острого пера. Не буду же я против тебя работать, так что отказываться теперь придется.

– Можешь и не отказываться. – Настя своевольно прикусила губу. – Я тебя не заставляю.

– Романова, – Инна тяжело вздохнула, – ну что у тебя за характер такой дурацкий! Сразу в позу встаешь. Сказала, что откажусь, значит, откажусь. У меня муж, как известно, богатый. Так что не обеднею я без варзинских денег. Ты мне лучше скажи, на какие шиши твой Фомин собирается кампанию вести? Начинать выборы без денег, да еще такие выборы, – это политическое самоубийство.

– Он сказал, что деньги нашел. Правда, пока не сказал, где именно. Но у него есть двенадцать миллионов. Вернее, будут. Этого должно хватить.

– Ни фиги себе! – присвистнула Инна. – Неплохо Егорушка устроился. Это кто ж ему, интересно, столько бабла отвалил? Муромцев, что ли? Так вряд ли. Тот из-за копейки удавится. Ладно, поживем – увидим.

– Я знаю, – тихо сказала молчавшая до этого Алиса. – Ему Игорь на кампанию деньги дает. Они сегодня утром встречались.

– Чего? – Настя и Инна, не сговариваясь, посмотрели на подругу. – Стрелецкий решил дать денег Фомину на выборы? И ты молчала?!

– Я про это узнала за полчаса до Настиного звонка, – вяло сказала Алиса. – А тут вы мне не дали даже рта раскрыть.

– Ой, Алиска, – Настя обеими руками взялась за покрасневшие щеки, – это ж значит, мы вместе будем! Здорово-то как!

– Вместе-то оно вместе, – Алиса снова вздохнула, – а начет здорово я не уверена. Ой, девочки, не нравится мне эта история! Вот не нравится – и все тут! От нее за версту пахнет крупными неприятностями. И для Игоря, и для Егора, и для нас с вами. Вы же знаете, что я пятой точкой чувствую приближение проблем. Так вот моя пятая точка очень не на месте.

– А ты Игорю про это сказала? – Настя обеспокоенно посмотрела на подругу. – Ты не будешь его отговаривать в этом участвовать?

– Ты что? Я в дела Игоря не лезу. Если он принял решение, значит, мне остается только вместе с ним огребать последствия. Ну и вместе с тобой, получается, тоже. Мужское дело – идти на войну. Женское – ждать, как я, или подносить боеприпасы, как ты.

– Эх, испортил тебя Стрелецкий, – язвительно заметила Инна. – Что-то я раньше не замечала в тебе подобного смирения.

– Просто раньше в моей жизни Стрелецкого не было. Ладно, девочки. Чего раньше времени раскисать. Даст бог день, даст и заботу. Может, все еще хорошо будет. И выборы Фомин выиграет, и пятая точка моя ошибется.

По лицу Алисы Инна и Настя видели, что она не верит в то, что говорит. Но никто из них троих даже не догадывался об истинных размерах бури, пока маячившей на горизонте маленьким незаметным облачком, а также о ее печальных, убийственных последствиях.

Из интервью Анастасии Романовой с заместителем председателя Законодательного собрания Егором Фоминым:

– Егор Александрович, какое чувство, на ваш взгляд, труднее всего перенести? С чем смириться? С болью, гневом, страхом, позором?

– С унижением. Для любого человека самое главное в жизни – всегда, при любых обстоятельствах суметь сохранить чувство собственного достоинства.

– При некоторых обстоятельствах это сложно. Мне кажется, если кто-то ставит своей целью унижение другого человека, то он этого добьется.

– Знаете, есть такой известный автор афоризмов Ричард Юхт. Так вот один из них гласит: «Если ты не унизил себя сам, то никто не в силах тебя унижить». Любая попытка унижить другого человека должна жестоко пресекаться. В первую очередь им самим. Нельзя позволять другим унижать себя. Это аксиома. Ответ должен быть таким быстрым, решительным и порой неадекватным по силе, чтобы навсегда отбить у других охоту посягать на твое чувство достоинства.

– А вам не кажется, что вы перегибаете палку? И уж если мы заговорили об афоризмах, то нужно помнить, что «гордыня – эхо бывшего унижения».

– Пусть лучше меня считают гордецом, чем ничтожеством. Гордыня – простительный грех, особенно для мужчины.

Глава 3

Дело пахнет керосином

90 дней до выборов

Убивать этого красавчика ему не хотелось. Не из-за вопросов морали. Господи, ерунда-то какая! Просто убийство – штука грязная. Это только в кино показывают, что это просто, а на самом деле не заляпаться довольно трудно. А уж если заляпаешься, то можно и не отмыться.

С другой стороны, если не одумается, убивать все равно придется. Так что поделом. Нечего к чужому добру руки тянуть. И прочие другие части тела. Как в том кино про ментов говорили: «Это моя корова, и я ее буду доить». Так вот, это как раз тот самый случай. И дойная корова подходящая – гладкая, сладкая, при денежках. Можно как сыр в масле кататься.

Впрочем, время еще, конечно, есть. Пока они только разговоры разговаривают да соплю жуют. Никак не может этот красавчик сподвигнуться на решительные действия. Может, так и не решится. Может, так все разговорами и закончится.

Правда, в глазах бабы всегда хочется выглядеть героем. Поэтому, может, красавчик и осмелится так круто изменить свою привычную и уютную жизнь. Рискнет, падла... Что с того, что много лет не рисковал? И тогда выход останется только один. Избавиться от помехи, которая встала на его пути. Зачем он вообще появился, красавчик этот? Ведь так все было хорошо! Нет, выскочил, как черт из бутылки, когда про него уже все и думать забыли.

Если не одумается, придется его наказать. Потому что делиться своим он лично не намерен. Если всем уступать, то и не заметишь, как на обочине жизни останешься. Пока путь назад еще есть. Но если красавчик примет злополучное для него решение, то пути назад у него уже больше не будет.

Сидя за компьютером, Настя то и дело поглядывала на часы на своем пухлом запястье. Она сильно нервничала – сегодня Фомин должен был официально уведомить избирком о своем желании принять участие в выборах мэра города. До этого момента путь назад еще оставался. Но тяжелая дверь городского избиркома отрезала возврат к прошлому. И трудно было представить, каким окажется будущее – мрачным и беспросветным или победным и счастливым. Впрочем, в том, что оно будет трудным, Настя даже не сомневалась.

Прошедший месяц легким назвать тоже было нельзя. Как и ожидалось, ее первое интервью на страницах газеты «Курьер», в котором Егор Фомин заявил о своих мэрских амбициях, произвело эффект разорвавшейся бомбы. Два дня Фомин не сходил с экранов телевизоров и первых полос всех остальных газет, которые наперегонки бросились догонять «Курьер».

Егор грелся в лучах славы – его пригласили на прямые эфиры сразу два городских телеканала, журналисты новостных лент и радиостанций беспрестанно звонили насчет комментариев. Телефон вообще раскалится – звонили друзья, звонили тайные враги, звонили случайные попутчики. Его поздравляли, хвалили за смелость, выражали сомнение, пугали возможными последствиями, поддерживали, отговаривали и снова поздравляли. И лишь явные враги молчали. Видимо, собирались с мыслями.

Это тревожащее молчание длилось три дня, после чего по «тройке» Фомину позвонил председатель Законодательного собрания Павел Шубин.

– Зайди, – коротко бросил он.

У находящейся в это время в кабинете Насти вмиг ослабли коленки.

– Как думаешь, уговаривать будет или сразу пугать? – спросила она у Фомина.

– Отпугался я, – спокойно ответил он и, подмигнув Насте, вышел из кабинета.

Шубин был мрачен и непривычно неприветлив. Вообще-то его главным оружием была знаменитая шубинская улыбка – широкая, светлая, искренняя или кажущаяся таковой. Много кого обманула эта улыбка, за которой прятались воистину стальные челюсти. Сейчас Егор не купился бы на нее ни за что на свете, но его встречали вовсе без улыбки.

– Дело пахнет керосином, – вспомнил он присказку, которую часто повторяла Анастасия Романова и которая означала возможные неприятности. И откуда она взяла этот самый керосин... Вздыхнул, как перед прыжком в воду, и спокойно спросил: – Вызывали, Павел Константинович?

– Вызывал. – Шубин не предложил Егору сесть, впрочем, и сам садиться не стал. – Ты чего творишь, сукин ты сын? Совсем страх потерял? Или совесть?

– Я не делаю ничего противозаконного, так что бояться мне нечего. – Егор невозмутимо пожал широкими плечами. – А что касается совести... Странно спрашивать ее с человека, с которым обошлись бессовестно.

– Фомин, а ты не охренел? – Шубин взглянул на своего собеседника с внезапным интересом. – Ты считаешь, что с тобой поступили неправильно? Это в чем же?

– Павел Константинович, я вам благодарен за то, что вы меня учили политике. Я знаю, что вы делали на меня ставку, знаю, что учитывали меня в планах на будущее. Я был равноправным участником большой игры. Так что изменилось? Именно вы прочили мне мэрское кресло. Именно вы обещали мне четвертое место в списке. Но вы нарушили свое обещание. Не будем углубляться, почему и по чьей вине, но нарушили. Что ж, надежд на пост мэра в будущем я больше не питаю, поэтому хочу реализовать их в настоящем. Без вас.

– А без нас не получится. – Шубин как-то разом устал. – Самое благоразумное, что ты сейчас можешь сделать, это публично признаться, что то ли пошутил, то ли передумал. Если ты осмелишься пойти против моей воли, против нашей воли, то извини, – он картинно развел руками, – последствия будешь огребать сам. И легкой жизни я тебе не обещаю.

– Спасибо, что не обещаете нелегкой смерти. – Фомин еле заметно усмехнулся, а Шубин покрылся красными пятнами и начал рвать ворот дорогой рубашки ручной работы, как будто душила она его, эта привезенная из Венеции рубашка.

– Пошел вон, дурак! – заорал он. – И считай, что я тебя предупредил. Не делай глупостей! Пожалеешь. И этот разговор у нас с тобой последний.

Дней через десять, когда шумиха, связанная с неожиданным заявлением Фомина, потихоньку пошла на спад, на переговоры с ним неожиданно для Егора заявила Островская.

Увидев ее стоящей на пороге его кабинета (и ведь дождалась, пока секретарша уйдет домой, зараза!), Егор непроизвольно вскочил.

– Добрый вечер, Егорушка. – Капитолина, заметно наслаждаясь его волнением, зашла внутрь и плотно притворила дверь. – Пустишь?

– Заходите, пожалуйста. – Фомин прокашлялся, прогоняя внезапную осиплость в голосе. – Проходите Капитолина Георгиевна, присаживайтесь.

Обойдя Островскую по максимально возможной дуге, он распахнул дверь в приемную.

– Ты кого-то ждешь?

– Нет, просто в последнее время мне как-то не с руки оставаться с вами наедине. Кончатся неприятностями политического характера.

– Не груби тете, мальчик! – Капитолина по-кошачьи облизнула губы. – Кто старое помянет, тому глаз вон. Не ожидала я, что ты у нас такой впечатлительный. Прямо как девственница перед первой брачной ночью. В общем, давай договоримся так. Мы с тобой зарываем топор войны. У меня к тебе нет претензий. У тебя – ко мне. Да и ко всем остальным тоже. Ты спокойно идешь на выборы в собрание, про мэрский пост забываешь, и через три месяца мы с тобой продолжаем работать, не доставляя друг другу неприятностей.

– Не получится, Капитолина Георгиевна. – Фомин с сожалением покачал головой. – План ваш очень хорош, но, к сожалению, неосуществим.

– Почему это? – В голосе Островской прорезался металл. – Если я могу забыть, то и ты можешь. В конце концов, есть вещи, которые женщине гораздо более обидны, чем мужчине. Но я готова не обращать на свои обиды внимания.

– Вы готовы, а я не готов. Моя обида связана с номером семь, и я почему-то вовсе не считаю себя Джеймсом Бондом. И этот непочетный номер будет все три месяца напоминать мне о том, о чем вы просите забыть.

– Да-а-а, ты не Джеймс Бонд. – Капитолина с хрустом потянулась. – У него на любую бабу стоял. Но сейчас не об этом. А что конкретно тебя не устраивает? Место твое вполне проходное, так что ты ничем не рискуешь. Можешь свою кампанию предвыборную в бондиану превратить. Кроме меня ж никто не знает, что ты не Бонд. А я, так и быть, никому не скажу.

– Не хочу.

– Чего ты конкретно не хочешь?

– Бондиану не хочу. От вашей милости зависеть не хочу. Вместе с вами работать не хочу. Так что можете считать, что мы не договорились.

– Как знаешь. – Островская выбралась из кресла, в котором сидела, надела туфли, которые, оказывается, успела скинуть, и неторопливо пошла к распахнутой двери. – Как знаешь, дорогуша. Только потом не говори, что тебя не предупреждали. Не хочешь мира – готовься к войне. А я пленных не беру. Нет.

Еще один неприятный разговор пришлось выдержать и Насте Романовой. После еженедельного пятничного брифинга, на котором мэра, естественно, забросали вопросами о неожиданном сильном конкуренте, Настя, дождавшись, пока все журналисты напьются мэрской крови и отвалятся как сытые пиявки, подошла к Варзину.

– Александр Ильич, поговорить бы.

– Щас поговорим, – согласился Варзин и заторопил операторов, сворачивающих кабели. – Давайте быстрее, ребята. Освобождайте кабинет. У Романовой преференции есть.

Насте стало неудобно. Накануне, представляя свой разговор с мэром, она даже не думала, что это окажется так трудно. А Варзин, спровадивший остальных журналистов, уже доставал припрятанную в низком шкафчике пузатую бутылку с коньяком и маленькое блюдечко с лимоном.

– Давай, Настасья. Устаю я от вашего брата, сил нет. Так что давай по маленькой. Коньяк хороший. А потом на все твои вопросы отвечу.

– Александр Ильич, – у Насти свело горло, – я не спрашивать буду. Я вам сказать хочу...

– М-м-м, – Варзин уже опрокинул рюмку коньяка, кинул в рот дольку лимона и кисло поморщился. – Скажешь, раз хочешь. Коньяк-то будешь? Что, опять помощь нужна? Коммунальная служба спасения?

– Нет, – Настя уже чуть не плакала и, зажмурившись, чтобы не видеть круглое добродушное лицо Варзина, выпалила: – Александр Ильич, я буду работать в штабе Фомина.

Мэр молчал, и, как бы это ни было страшно, Насте все-таки пришлось открыть глаза, чтобы посмотреть на него. Поставив пустую рюмку на стол, Варзин медленно обошел его и сел в свое кресло.

– Вот оно, значит, как. Ну что ж... Спасибо, что предупредила. По крайней мере честно.

– Александр Ильич...

– Ты иди, Анастасия...

– Александр Ильич, – Настя все-таки заплакала, – ну вы ж понимаете, что я не могу его предать.

– Понимаю. Чего ж тут непонятного. Его не можешь. Меня можешь. Это твое право. Твой выбор. Я его принимаю.

– Вы меня никогда не простите?

– Никогда и навсегда – понятия философские. Ты иди сейчас. Не о чем нам с тобой больше разговаривать.

От этого разговора Настя расстроилась «до соплей». Заехавшая вечером Инна немало этому удивилась.

– А ты что думала? Что он тебе отеческое благословение даст на конкурента работать?

– Да ничего я не думала! – огрызнулась Настя. – Так-то никакой катастрофы в связи с моей работой на Егора вроде бы не наблюдается. Я не единственный журналист в городе и не волшебный амулет, обеспечивающий победу на выборах.

– Ну, сама-то себе не ври. – Инна укоризненно покачала головой. – Ты ведь убеждена, что Фомин победит. И ты будешь прилагать к этому все усилия и все свои способности. То есть ты будешь делать все, чтобы Варзин перестал быть мэром. Почему он должен спокойно это сожрать?

– Да не должен он! – В голосе Насти снова послышались слезы. – Я с ним почти 10 лет проработала. Он мне доверял, а я его действительно предала.

– И теперь твою чувствительную натуру это мучает. Брось, Романова. С такими моральными принципами на войне не выжить. Варзин – твой враг. Так бывает. Прими это как данность и начинай жить в соответствии с этим постулатом. Война закончится – видно будет.

С таким подходом Настя была не согласна, но ей оставалось только примириться. Неприятный осадок остался, но в целом пока предвыборная кампания шла бойко и довольно гладко. То есть Насте было противно, нестрашно и интересно одновременно.

Вместе с модным и довольно дорогим фотографом Сашей Ивановым они провели для Фомина фотосессию. Редакционный верстальщик Женька Воробьев смакетировал предвыборный плакат, с которого до невозможности красивый и мужественный Фомин призывно улыбался избирательницам и сиял своими голубыми глазами. При первом взгляде на этот плакат становилось понятно, что избирательницы не только охотно отдадут Фомину свой голос, но при возможности еще и охотно отдадутся.

Плакаты, календарики и магнетики на холодильник были сверстаны и ждали открытия избирательного счета, чтобы быть напечатанными и розданными в руки электората. Магнетики придумала Настя и страшно ими гордилась. Как человек, постоянно борющийся с лишним весом и постоянно проигрывающий в этой борьбе, она понимала, что любая женщина, в неурочное время подошедшая к холодильнику, чтобы что-нибудь съесть, встретив взгляд красавца Егора, лишний раз покручинится о собственном несовершенстве и холодильник открывать ни за что не станет.

Потихоньку создавался предвыборный штаб. Обещанный Стрелецким финансист оказался довольно приятным дядькой лет пятидесяти. Звали его Сергеем Ивановичем Котляревским. Худощавый, седой, с заметными залысинами на лбу, он обаятельно улыбался, смотрел приветливо, но без особого стремления понравиться, дал несколько дельных советов по обустройству штаба, с Фоминым быстро сошелся, с Настей ходил курить, а заодно привел девятнадцатилетнюю Анютку, дочку каких-то своих знакомых, которая с этого момента в штабе отвечала за телефоны.

Анютка, конечно, в Фомина сразу влюбилась, на Настю первое время смотрела как на соперницу, а потому держалась букой, но быстро поняла, что любовных отношений между Егором и Настей нет, а потому дуться перестала и оказалась веселой компанейской девчонкой, по первому требованию готовой сварить довольно сносный кофе.

Насте казалось, что в штабе (под него была выделена большая комната на первом этаже офисного здания, которое, как выяснилось, принадлежало Стрелецкому) завелся умильный щенок, который, весело твякая, цокает по паркету разъезжающимися от переизбытка чувств лапами.

Подруга Инна познакомила Настю с Ириной Степановной – женщиной, которая уже полтора десятка лет руководила в городе командой агитаторов. Внешне она была похожа на бабушку. Такую, как в детских книжках рисуют. Собранные в пучок волосы, круглые очки в роговой оправе. Белая блузка с жабо, заколотым под самым горлом брошкой с камеей.

Впрочем, она и была бабушкой троих внуков, а параллельно – крепким профессионалом. Ее люди работали на самые различные партии и самых разнообразных кандидатов. Это была настоящая команда, умело разносящая листовки и предвыборные газеты по почтовым ящикам и квартирам.

– Вас наверняка привлекут на партию работать, да и на Варзина тоже, – сказала Настя при первом разговоре с Ириной Степановной. – Вы нас не бросите?

– Не брошу. – Ирина Степановна неодобрительно блеснула своими очками. – Людей у меня много, так что бригады, которые будут работать на вас и на конкурента, будут разные. Репутацию я берегу, а потому работать буду качественно. Слива не бойтесь.

– Да я-то не боюсь. Но с нами может быть опасно иметь дело, – предупредила Настя.

– Я человек взрослый. Разберусь. – Ирина Степановна насмешливо улыбнулась. – Если я подписала договор, то ничто не заставит меня его нарушить. Будьте уверены.

Еще одним членом их команды стал Костя Скахин, назначенный начальником штаба. Когда-то он работал на предприятии Фомина начальником юридической службы. Потом подался в частные предприниматели, особо не преуспел, но и не пропал совсем. Сейчас он целыми днями корпел над предвыборным законодательством, составлял перечень необходимых Фомину документов и всяческие графики. В отличие от строгого и педантичного Сергея Ивановича, он был веселый и шепутной. Постоянно травил анекдоты и заигрывал с не замечающей его Анюткой. Насте он нравился за легкий и открытый характер.

Главным идеологом кампании стал главный редактор «Курьера» Юрий Гончаров, правда, сразу поставивший условие, что работать он будет «под прикрытием», то есть инкогнито.

– Вы, ребята, поймите, мне с властью ссориться не с руки, – так объяснил он свое решение Фомину и Насте. – Так что светиться в вашем штабе я не буду. Стратегию придумаю, а реализовывать ее вы сами будете, без меня. Связь будем держать через Романову. В том, что она в редакцию приходит, ничего необычного нет.

– Вы прям как Штирлиц, Юрий Алексеевич! – не выдержала Настя. Ей, человеку прямому и абсолютно бесхитростному, подобные ухищрения были чужды. Она считала, что бой надо вести с открытым забралом.

– Штирлиц так Штирлиц, – покладисто согласился Гончаров. – Так что ты у нас будешь радистка Кэт. И не вздумай где-нибудь язык высунуть, что я к вам отношение имею!

Первым делом Гончаров придумал слоган для предвыборной кампании. Он обладал главным достоинством – был коротким и запоминающимся. «Город ждет Фомина». Именно эта надпись должна была со временем украсить всю печатную продукцию, а заодно футболки и непромокаемые накидки для агитаторов. Параллельно Настя подготовила серию коротких интервью с людьми самых разных профессий. Водители автобусов и билетеры в кинотеатрах, учителя и врачи, дворники и студенты, воспитатели детских садов и продавцы в двух-трех предложениях объясняли, почему они сами и их коллеги будут голосовать за Егора. Сверстанные в виде макетов и уличных баннеров, эти откровения сопровождалась обязательной фразой «Город ждет Фомина» и выглядели очень убедительно.

В общем, все было готово для старта официальной избирательной кампании, и этот старт должен был состояться сегодня. После визита в избирком Фомин обещал заехать в редакцию, и мающаяся за компьютером Настя нервно поглядывала на часы.

От напряжения ее даже зазнобило.

– Кофе, что ли, выпить?

Мысль была ничего себе, вполне конструктивная. Гораздо конструктивнее всего того, что она делала последние минут сорок. Гладь монитора, вернее, открытого на нем вордовского файла, была девственно чиста.

«Гончаров меня либо уволит, либо убьет», – уныло подумала Настя, которая еще вчера должна была сдать главреду интервью в текущий номер. Тяжело вздохнув и снова посмотрев на часы, она поднялась из-за стола, извлекла из стоящей у окна тумбочки свою любимую чашку с нарисованными на ней пучками провансальской лаванды, щедро насыпала в нее две ложки растворимого кофе, даже с горкой, выщелкала из маленькой коробочки две таблетки сахарозаменителя, снова тяжело вздохнув, добавила еще одну и нажала на кнопку чайника.

Вместо того чтобы умиротворяющее загудеть, тот противно зашипел.

«Вода кончилась, – догадалась Настя. – Ну что же за день такой...»

Питьевую воду коллективу «Курьера» привозил в пятилитровых бутылках редакционный водитель Коля. Бутылки растаскивались по кабинетам мигом и имели привычку заканчиваться в самый неподходящий момент. Настя точно знала, что последний раз Коля ездил за водой в понедельник, когда они сдавали предыдущий номер, а сегодня была уже пятница. Это могло означать только одно: во всей редакции найти воду можно было только в приемной главного редактора. Там пили не завезенную Колей, а специально купленную для кулера, в огромных перевернутых бутылках, почему-то напоминающих Насте аппарат искусственного дыхания.

Сердито поведя плечами (вздыхать Насте уже надоело), она вышла в коридор и направилась к лестнице, прикидывая, повезет ей набрать воды до того, как ее заметит Гончаров и спросит про ненаписанное интервью, или нет.

Тонкий плач в коридоре был едва слышным. Поначалу Насте вообще показалось, что где-то скулит щенок, но взяться тут щенку было решительно неоткуда. Остановившись посередине коридора с лавандовой чашкой в руке, она прислушалась. Точно. Это был тихий сдвленный плач, и доносился он из-за прикрытой двери в корректорскую.

В маленькой, не больше пяти метров, комнатухе обитали два редакционных корректора: степенная пенсионерка Евгения Васильевна и молодая девушка Вероника. На самом деле Веронике недавно исполнилось сорок, то есть она была заметно старше самой Насти, но по сравнению с Евгенией Васильевной считалась молодой.

Настя не сомневалась, что плачет именно Вероника. Особой близости между ними не было. Вероника обладала не менее сложным характером, чем сама Настя, любила резать правду в глаза и говорить, что думает, постоянно училась и самосовершенствовалась, а также погрязала в каких-то нелепых, дурацких и никому не нужных романах. Но сейчас она плакала, а прямая и целеустремленная журналистка Анастасия Романова обладала мягким и добрым сердцем. Слышать, как кто-то плачет, она не могла.

Забыв про кофе, Настя толкнула дверь маленького кабинета. Вероника горько рыдала, уткнувшись лицом в сложенные руки. Звук Настиных шагов она, казалось, не заметила.

– По какому поводу траур? – с умеренной веселостью спросила Настя. Корректорша подняла залитое слезами лицо.

– А, это ты... – вяло сказала она. – Не обращай внимания. Меня не надо утешать.

– А с чего ты взяла, что я собираюсь тебя утешать? Может, я собираюсь стоять и смотреть, как ты рыдаешь, и на твоём примере объяснять себе, насколько это глупое и бесперспективное занятие? Что случилось все-таки?

– Я беременна.

– Неожиданно. А ревешь-то чего? Не можешь решить, идти на аборт или нет?

– Нет. Аборт я делать не буду. Хватит, наделалась. Я уже решила, что ребенка оставлю. Вот только как жить дальше, я абсолютно не знаю.

– Да, это проблема, – согласилась Настя, которая слабо представляла, как можно жить на корректорскую зарплату одной, не говоря уж о возможном ребенке. – Отец-то знает?

– Нет пока. В этом-то вся и проблема... – Вероника вздохнула, как давеча Настя, и вытерла мокрое лицо рукавом.

– Думаешь, сбежит? Так и хрен с ним в таком случае!

– Я не знаю, от кого этот ребенок. – Лицо Вероники поехало складками, и она снова приготовилась зареветь.

– Приехали. – Настя даже растерялась. – А большой ли выбор?

– Двое. Понимаешь, у меня два любовника. Одного я люблю и встречаюсь с ним давно, и он вроде готов опять от жены ко мне уйти...

– Что значит опять? – не поняла Настя.

– Ну, он уже со мной жил около года, а потом опять к жене вернулся. Но мы продолжали встречаться, и вроде бы сейчас он снова готов ко мне переселиться.

– Ну...

– Но, во-первых, он не знает про ребенка, и не факт, что согласится. У него своих детей двое. Они взрослые уже, зачем ему новый спиногрыз? А во-вторых, у меня еще Паша есть. Он молодой совсем. Сын моей школьной подруги. Этот-то рад будет, он на мне малость помешался, но я его не люблю, да и какой из него отец, он сам еще ребенок... Вот и думаю, что делать. Кого взашей гнать, кому в ребенке признаваться. На кого ставку делать, в общем...

– Да-а-а. Нелегкий выбор, – ошарашенно согласилась Настя. – Но ты по-любому не реви. Мужики – они преходящи. А ребенок – на всю жизнь. В случае чего и сама воспитаешь...

– Вот-вот. Именно этот случай мне в результате и выпадет, – убежденно сказала Вероника. – Я всю жизнь такая невезучая. А ты чего зашла?

– Кипятка попросить, – соврала Настя, – у меня вода кончилась, а кофе очень хочется.

– Ой, – Вероника оживилась, – а у меня как раз кофе кончился, а вода есть! Давай я чайник вскипачу, тебе воды налью, а ты мне кофе отсыплешь.

– Давай, – кивнула Настя. – Включай чайник, я сейчас за банкой сбегаю.

Возвращаясь в Вероникин кабинет, она налетела на Фомина, который быстрыми шагами шел ей навстречу.

– Ой, Егор. – Настя остановилась и приложила холодные ладони к разгоряченным щекам. – А я тебя жду-жду. Как все прошло?

– Расскажу, – кивнул он, – пошли к тебе?

– Да, сейчас, я только кофе корректорше отдам, подожди минуту... – Открыв дверь, она влетела в кабинет и протянула банку Веронике. – На, только принеси потом. Я кофе сейчас пить не буду, мне некогда.

Повернувшись на пятках, Настя хотела выскочить обратно в коридор и неожиданно уткнулась в грудь Фомина, который, оказывается, зашел следом за ней.

– О, привет, Вероника! – услышала она.

– Привет. – В голосе корректорши послышалось легкое кокетство. – Ты к Насте?

– Ага. Работа у нас. – Фомин усмехнулся. – Ну, пока. Увидимся.

– Пока. – Вероника уже отвернулась и начала деловито насыпать кофе себе в чашку.

– Ты откуда нашу Веронику знаешь? – чуть ревниво спросила Настя, когда они с Егором оказались уже у нее в кабинете.

– Соседи мы, на одной площадке живем.

– Да ты что? А я не знала...

– Да что тут знать-то? Соседка и соседка, что в ней особенного...

Настя вспомнила Вероникины слезы и на минуту задумалась, не Егор ли Фомин – один из потенциальных отцов ее ребенка. Но тут же отбросила эту глупую мысль. Корректорша сказала, что ее любовник целый год жил с ней, а не с женой, а в биографии Фомина таких «подвигов» не было.

– Да хрен с ней, – нетерпеливо сказала она, и Вероника с ее проблемами тут же вылетела у нее из головы. – Давай, рассказывай. Ты документы сдал?

Рассказывать Егору не хотелось. Настроение у него было с самого утра хуже некуда, и поход в избирком его ни капельки не улучшил.

Признаваться, из-за чего у него плохое настроение, ему казалось глупым. Ведь взрослый же мужик, а расстроился из-за какого-то телефонного звонка.

Самым паршивым было даже не содержание разговора, а то, что состоялся он в полпятого утра.

Егору снилось, что он в бескрайнем море управляет огромной, роскошной, навороченной яхтой. Она легко слушается руля, как будто предугадывая движения рук своего капитана. Нос яхты весело поднимается на волнах, и она бежит навстречу ветру и легким безмятежным морским брызгам.

Он подставляет им лицо и весело хохочет от счастья и полноты жизни. Где-то в трюме звучит рында, созывая на полуденный ланч. Она звенит раз, другой, третий... Егору не хочется уходить с капитанского мостика. Он готов променять обед на картинку солнечных морских просторов, но тот, кто бьет в рынду, не успокаивается, ударяет еще и еще, и звонкий «блямс» льется над морем, заставляя покинуть бескрайнюю морскую безмятежность.

– Егор... Его-ор. – Недовольный сонный голос жены заставил его вынырнуть из своего яркого, светлого сна.

– М-м-м-м. – Он продолжал еще слышать рынду и мимолетно удивился, что она вместе с ним проскользнула из сна в реальность.

– Трубку возьми, не слышишь, что ли, телефон надрывается!

Скидывая сонную одурь, Фомин посмотрел на часы. 4.32. И кому он может понадобится в такую рань?

– Па-а-а-ап, ну сколько можно! – от надрывающегося телефона проснулась уже и обожаемая Юлька. Чертыхнувшись, Егор пошлепал по прохладному ламинатному полу в другую комнату, где по-прежнему звонил телефон. Надо же, а ему казалось, что рында...

– Слушаю, Фомин. Алло. Говорите.

– Не делай этого, пожалеешь. – Голос был беспол и бесплотен. Фомин даже отпрянул от трубки, из которой, как ему показалось, с шипением вылезала змея.

– Алло, кто вы? Что вам надо? – Но в трубке уже звучали поспешные равнодушные гудки.

Водрузив бесполезную трубку на рычаг, Фомин зажмурился, потер ладонью лицо, ощущая босыми пятками приятную прохладу пола, дошел до кухни, открыл холодильник и припал губами к запотевшей бутылке боржоми.

Ранний звонок не был страшным или опасным. Он был гадким. И от острого приступа гадливости Егора чуть не стошнило. Он судорожно сделал еще пару глотков ледяной воды и, стараясь ступать неслышно, вернулся в спальню, по дороге заглянув к дочери. Юлька уже снова заснула. Разбудивший ее звонок не потревожил ее душевного равновесия, и на минуту Фомин испытал острый укол зависти.

Катерина же не спала.

– Кто звонил? – враждебно спросила она.

– Не знаю, номером ошиблись.

– Ну да, конечно. Ошиблись. – Злость в голосе жены сменилась слезами. – Ты, Фомин, совсем охренел? Твои потаскухи в семейный дом уж по ночам звонят? Утра дожждаться не могут?

– Уймись, а. – Егор накрылся одеялом и отвернулся лицом к стене. – Сказал же, кто-то ошибся. Спи.

– Да я теперь до утра не усну. – Злые слезы были уже совсем близко, и, хлопнув дверью, Катерина выскочила в коридор.

«Не буду про это думать, – сам себе сказал Егор. – Они этого и добиваются – вывести меня из равновесия, заставить занервничать и сдаться. А вот накуси, выкусите!»

Уснуть у него, правда, тоже не получилось. До шести утра он проворочался в постели, обдумывая выборы и связанные с ними потенциальные неприятности. От ночной свежести морских брызг не осталось и следа. И встал на час раньше нужного, не в силах больше выносить никчемности бессмысленного лежания, от которого уставал больше, чем отдыхал.

Как он и думал, Катерина, посапывая, спала на диване в гостиной.

«Зачем я на ней женился? – привычно подумал Фомин. – Ах да, Юлька... Ее бы не было, если бы не женился».

К 8 утра он пришел в избирком, в котором ему, естественно, совсем не были рады. Проверка необходимых документов заняла часа три. Его очень пытались на чем-нибудь поймать, но Скахин свое дело знал хорошо и юристом был довольно сильным.

– Вы уверены в правильности своего решения? – Председатель горизбиркома, напоминающий спугнутую рыбу, смотрел отстраненными холодными глазами.

– Уверен. А что в моем решении необычного? Это же конституционное право – избирать и быть избранным, – максимально вежливо ответил Егор.

– Идите, Егор Александрович, в течение десяти дней вы должны открыть избирательный счет и принести остальные необходимые по закону документы.

– Какие именно? – Егору захотелось подурочиться.

– Справок мы не даем. Читайте законодательство, там все сказано. – Председатель был сама любезность.

– Всенепременно. Прочитаем. Изучим. Законспектируем. – Дурашливо улыбаясь, Егор покинул кабинет. Едва он вышел за дверь, улыбка сползла с его лица. Он понимал, что сейчас совершил, наверное, самый важный поступок в своей жизни. Отрезал благополучное прошлое и вполне предсказуемое будущее. Сжег корабли. И мосты тоже сжег. И отныне нет у него другого пути, как вперед.

– Суки! Боже мой, какие суки! – Голос Насти, слушающей Егора, дрожал от переизбытка эмоций. – Какая низость! Будить всех, чтобы напугать спросонья! Как ты думаешь, это Шубин организовал, Капитолина или Варзин?

– Какая разница? – Фомин пожал плечами. – Думаю, это штабисты его балуются. Технологи. Оттачивают предвыборные технологии. Романова, ты не переживай, мы обязательно прорвемся. Если нас пугают, значит, нас боятся. Вспомни, что говорил Махатма Ганди, не последний, кстати, в политике человек. «Сначала тебя игнорируют, потом над тобой смеются, потом тебя боятся, затем с тобой борются, а затем ты побеждаешь».

– А сейчас над тобой смеются или уже борются? – Настя невольно улыбнулась.

– Отсмеялись уже. Думаю, пока только боятся. Но ты, Настюха, будь уверена, бороться тоже вот-вот начнут.

В портфеле у Фомина зазвонил мобильник. Вернее, душевно запел голосом Элвиса Пресли. «Он ли ю...»

«Все-таки Егор – такой дурачок... – невольно подумала Настя. – Вот зачем у него на его дуру Катерину такая мелодия настроена? Она знает, что «только ты» к ней точно не относится, и он это знает, и все его бабы знают. И ей все равно, и любовницам неприятно. Нет все-таки в мужиках душевной тонкости!»

Додумать приятную мысль про мужское несовершенство ей, впрочем, не удалось. Катерина визжала и рыдала в трубку так, что было понятно: случилось что-то серьезное.

– Катя... – Егор, как мог, пытался привести жену в чувство. – Успокойся, скажи мне, что случилось? – ответом ему был нечленораздельный визг.

– Катя, что случилось? – Он вдруг почувствовал, как от страха у него взмок затылок.

«Что-то с Юлькой», – отчетливо понял он. Зажатый в руке невесомый телефон налился тяжестью.

– Катя, мать твою, ты мне можешь объяснить, что произошло?!!

– Куртка, – полупровыла-полупрорыдала в свинцовом телефоне его жена.

– Какая куртка, что случилось, где Юлька?

– В школе Юлька. – Жена всхлипывала и бурно дышала. – Ты только о своей драгоценной Юльке думаешь. А на меня тебе наплевать.

Беседа принимала привычные очертания, и Фомин начал понемногу успокаиваться. Тем не менее надо было выяснить причину Катеринино умопомрачения. Спустя еще несколько минут завываний и истерических выкриков Фомину все-таки удалось воссоздать картину случившегося.

Катерину облили краской. Она поехала к подруге, чтобы вместе прошвырнуться по магазинам. В «Высокий стиль» накануне завезли новую коллекцию осенних сапог. Итальянских. И они с Аллочкой (так звали самую верную и крепко ненавистную Фомину подругу) решили прикупить что-нибудь на осень, потому как совсем пообносились.

– Что вы сделали? – на всякий случай уточнил Фомин, живо представив ровные ряды сапог в кладовке, стараниями Катерины приспособленной под гардеробную.

– Пообносились. Не цепляйся к словам, тебе не понять, а мне носить абсолютно нечего. – Катерина уже не плакала, только часто, как собака на солнцепеке, дышала. – Я вышла из подъезда и пошла к машине, и вдруг навстречу выскочил какой-то урод и с криком «вот тебе подарочек на регистрацию» плеснул на меня краской. Егор, он, наверное, ненормальный! Я же нигде не регистрировалась. У меня теперь все волосы в краске и курточка. Новая, кожаная, которую ты мне из Амстердама привез. В дырочку такую. А если это все не отмоеся, Егор?! Мне же стричься придется и курточку выбрасывать, а я ее только второй раз надела... – Катерина снова горько заплакала.

– Вот что, Катя. На куртку наплевать, я тебе новую куплю. Стрижка... Что ж, тебе пойдет. Ты сиди, пожалуйста, дома. А я Юльку из школы заберу и приеду. Вдруг это не последний сюрприз на сегодня.

– Я в парикмахерскую съезжу, – убитым голосом сказала Катя. – Вдруг отмоют? Господи, хорошо, что я к машине подойти не успела, а то бы и ее испортили. Егор, может, надо 02 позвонить?

– Не надо никуда звонить, Катя, – напряженно ответил Егор. – Съезди в свою парикмахерскую и жди меня дома. Пожалуйста! – Положив трубку, он витиевато выругался. Настя с немим вопросом смотрела на него.

– Ну что, Настюха, – невесело усмехнулся он, – вот нам и первые военные действия. Пока в списке пострадавших куртка кожаная импортная. Одна штука. Но, насколько я понимаю, этим дело не ограничится.

– Этого не может быть, Егор! – твердо сказала Настя. – Мы же в цивиличном мире живем! Это же дикость какая-то! Средневековье! Варварство! Какое отношение твоя жена имеет к выборам?

– Она имеет отношение ко мне. И этого вполне достаточно. По идее я должен понять, что все серьезно, и забрать документы. Не зря же они про регистрацию упоминали.

– Заберешь? – Настя испытующе смотрела на Фомина.

– Нет. Не на того напали. Я от их методов только злее становлюсь. А тут, как в спорте, злость очень даже помогает в борьбе за победу.

– Да-а-а, дело пахнет керосином... – Настя достала из пачки сигарету и щелкнула зажигалкой.

– Давно хочу спросить, откуда ты этот керосин взяла? Ну, присказку эту твою? – уточнил он, видя Настино непонимающее лицо.

– Фомин, ты что, совсем? Это из Юрия Германа. Ну, вспоминай... «Дело, которому ты служишь», «Дорогой мой человек», «Я отвечаю за все», доктор Устименко... Это Варвара так говорила. Дело пахнет керосином.

– Какая Варвара?

– Да ну тебя, Фомин! Необразованный ты человек. И за что тебя электорат ценит, неначитанного такого?

– За ум и обаяние, – твердо ответил Егор. – Куда там твоему доктору Устименко со мной тягаться. А книжку эту я прочитаю. Обещаю. Вот выборы выиграю – и прочитаю. А керосин, кстати, надо купить. Глядишь, Катькину куртку отмою. Ладно, поехал я, а то еще Юльку в школе напугают. С них станется. Так что с боевым крещением нас, Настюха!

– Меня-то почему? – уныло пробормотала Настя, ощущая, как где-то под ложечкой зарождается сосущее, противное и угнетающее чувство страха.

Из интервью Анастасии Романовой с депутатом Законодательного собрания Сергеем Муромцевым:

– Сергей Васильевич, вот вы многого добились в жизни. Вы удачливый бизнесмен, известный политик. Вы коллекционер, снимаетесь в кино, а с недавнего времени еще и пишете книги. На ваш взгляд, что является двигателем успеха? Честолюбие или талант? Везение или работоспособность?

– Страх.

– В каком смысле?

– В самом прямом. Только страх заставляет нас идти вперед. Если бы человечество не испытывало чувства страха, то оно остановилось бы в своем развитии. Страх за свою жизнь заставляет талантливо воевать, потому что если будешь делать это не талантливо, то убьют. Страх перед войной заставляет вести переговоры о мире. Страх бедности заставляет зарабатывать, овладевать профессией. Страх потерять уровень жизни заставляет крутиться, становиться профессионалом, искать новые точки приложения своим способностям, учиться чему-то новому. Страх заболеть заставляет вести здоровый образ жизни. Страх остаться в старости в одиночестве заставляет рожать и воспитывать детей. Страх оказаться высмеянным заставляет поступать осмотрительно и делать свое дело качественно. Когда вы чего-то боитесь, вы начинаете действовать.

– Очень необычная точка зрения. А вы сами чего боитесь?

– Я боюсь умереть в своей постели. Старым, беспомощным и никому не нужным. Именно поэтому я живу на высоких скоростях, не жалея внутреннего горячего. Я не хочу дожить до глубокой старости и именно поэтому живу ярко и интересно, здесь и сейчас.

Глава 4

Особенности национального киднеппинга

60 дней до выборов

Белка была чудо как хороша. Крупная, с большим пушистым хвостом. И доверчивая. Она охотно спустилась по стволу сосны, привлеченная кедровыми орешками, которые Фомин высыпал себе на ладонь. Хорошо, что в бардачке машины завалился пакетик с орешками. Фомин любил закусывать ими коньяк и возил с собой вместе с плоской металлической фляжкой. Пить в последнее время было катастрофически некогда, а орехи вотгодились.

Юлька, затаив дыхание, ждала, пока рыжая беличья мордочка осторожно приблизится к широкой ладони Фомина.

– Папочка, – прошептала она, – только не спугни!

Фомин подумал, что его обожаемая дочка похожа на бельчонка. Рыжие непокорные кудряшки, тонкий носик, острый подбородок и взгляд, такой же доверчивый, как сейчас у белки. Вот так приманит кто-нибудь золотыми орехами... А вдруг обидит? И не уследишь ведь...

Он вдруг почувствовал, что ему нечем дышать. За последний месяц Егор так устал, что иногда ему казалось, что он упадет на ходу и умрет, как старый конь в борозде. Встречи с избирателями, которые он проводил по две на день, отнимали все силы. Приходилось улыбаться, слушать, отвечать на вопросы, излучать уверенность в себе, оптимизм и бесстрашие.

Он знал, что со всех таких встреч уходит победителем, унося хороший привесок к рейтингу. Однако платой за это было полное эмоциональное истощение. Толпа, даже благожелательно настроенная, оставалась толпой, а значит, энергетическим вампиром, высасывающим не только силы, но и, как казалось Егору, саму душу.

О встречах приходилось сначала договариваться. Предупрежденные городской администрацией руководители коллективов пускать не хотели. Где-то на помощь приходили обширные личные знакомства Котляревского, где-то срабатывало знаменитое фоминское обаяние, жертвой которого особенно охотно падали заведующие детских садов. Где-то необходим был звонок Стрелецкого, отказывать которому не хотели, а может, и не могли. Где-то брал нахрапом Костя Скахин. В общем, со скрипом, но встречи все-таки получались, и к вечеру каждого дня Фомин приезжал домой выжатый как лимон.

Неприятностей тоже хватало. Сразу после подачи официального уведомления в избирком его исключили из партии. За нарушение партийной дисциплины – так было сказано в решении пленума. Это был последний сожженный мост, и Егор еще недели две потом чувствовал за спиной треск горящего дерева и стойкий запах гари. Его карьера, его прошлая жизнь на глазах превращалась в пепел, и оставалось только надеяться, что он, подобно птице Фениксу, сможет возродиться из этого пепла без особых потерь.

После истории с Катериной курткой явного криминала больше не происходило.

«И на том спасибо», – мрачно думал Фомин, на всякий случай застраховавший квартиру, обе машины – свою и Катину, – а заодно, втайне ото всех, еще и свою жизнь.

Сегодня была суббота, но Фомин уже давно забыл, чем выходные отличаются от других дней недели. Дела находились всегда, и сегодня ему нужно было обсудить со Стрелецким дальнейшее финансирование кампании. Он был благодарен, что Стрелецкий позвал его домой, в знаменитый городской микрорайон «Серебряный бор», и выпросил разрешения приехать вместе с Юлькой, которую во всей этой предвыборной круговерти почти не видел.

Катерина с подругами отправилась в баню. Она всегда по субботам расслаблялась в парной, после чего проходила курс массажа и косметологических процедур. А Фомин с Юлькой

приехали в «Серебряный бор» и, оставив машину у ворот, пошли по огромному, теряющемуся в вековых соснах участку к дому, шпиль которого смутно виднелся вдалеке.

Вкусно пахло октябрьской прелью листьев и хвои. Вообще-то Фомин октябрь не любил. Из-за сырости, что ли. А может, от той безысходности, которая всегда нападала на него перед предстоящей долгой, темной и холодной зимой. В мрачности осени было что-то безвозвратное. Она напоминала Фомину про пугающую его старость. Но в парке Игоря Стрелецкого не пахло осенним разложением. Запах был теплым, острым и именно вкусным. Таким вкусным, что Егору захотелось зажмуриться, остановиться, забыть обо всей окружающей мерзости и дышать полной грудью.

Вот тут-то они с Юлькой и увидели белку. Спустившись с дерева, она принялась доверчиво есть орешки из фоминской ладони, и было в этом что-то праздничное, похожее на долгожданный подарок, сюрприз, оказавшийся приятным и радостным. Возбужденно сопела рядом Юлька, и Егор ощутил острое чувство счастья, слегка подзабытое в круговерти последних месяцев.

«И за это Стрелецкому спасибо», – подумал он.

Белка доела орехи, обнюхала ладонь, внимательно, но без страха посмотрела на застывшего мужчину и девочку, махнула хвостом и взлетела на ветку повыше.

– Ух, какая красивая, – выдохнула наконец Юлька. – Папа, а она ручная?

– Не знаю, надо будет спросить у дяди Игоря и тети Алисы, – честно признался Фомин, – но думаю, что самая обыкновенная. Просто здесь парк большой, людей мало, никто белок не обижает и не пугает. Да и к угощениям вкусеньким приучили, наверное.

– Да. Здорово, наверное, в таком месте жить! – мечтательно сказала Юлька, потрянув кудряшками. – А то возле нашего дома белку ни за что не встретишь. И жить негде, и выхлопными газами пахнет. Папа, а надо быть очень богатым, чтобы иметь такой дом, чтобы парк был и белки?

– Очень. Честно тебе скажу, мы в таком доме вряд ли когда-нибудь жить будем.

– Ну и ладно, – покладисто согласилась Юлька. – Зато ты у меня самый замечательный папочка на свете. Мне все равно, где жить. Лишь бы с тобой.

У Фомина опять сдавило горло.

«Черт знает что, – подумал он, – я с этими выборами неврастеником скоро стану. В сентиментальность бросает. К старости, что ли?»

Сердито насупив брови, он широкими шагами вышел на плиточную дорожку, ведущую к гостеприимно сияющему огнями дому. Навстречу им с крыльца сбежал Стрелецкий.

Что ж... Очень жаль, что она сделала такой выбор. Он все же надеялся, что она благоразумно не станет принимать окончательных решений, не выслушав его доводов. Но разговора не получилось. И он, и она были на эмоциях, это вполне понятно в такой-то ситуации, но после она могла же остыть, подумать, понять, что поступает неправильно, не по совести!

Не получилось. Не срослось. Не прокатило. Что ж... Очень жаль. Теперь нет другого выхода, кроме как убрать этого проходимца, который хочет заграбастать все то, что предназначено вовсе не ему.

Ужасно не хотелось принимать такое решение. Не из страха, нет. Чего тут бояться-то? Уже две недели каждый шаг этого красавчика отслеживается. Вся его жизнь – как на ладони. Понятно, куда он поедет, куда пойдет. Он, правда, мотается по городу, дела у него повсюду, заранее не предугадаешь, куда он двинет. Но уходит по утрам всегда из дома. И возвращается вечером тоже домой. По кабакам не шляется, к бабам никаким не ездит. Примерный семьянин, право слово! Кобелина...

Так что убрать его проще всего именно в подъезде. И уйти через черный ход. Никто сразу не хватится. Причем делать это надо быстро, пока ситуация окончательно не вышла из-под контроля.

Убивать не хочется, потому что какая-никакая, а божья тварь. Но выхода нет. Так что решение принято, и осталось только его воплотить удачно. Без последствий. Впрочем, какие тут могут быть последствия? Менты только в телевизоре работают, а на деле... Либо висят, либо на лоха какого-то повесят. Главное – бумажник не забыть вытащить, чтобы на ограбление списали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.